

Мария Николаева

Свами Вивекананда:
ВИБРАЦИИ ВЫСОКОЙ ЧАСТОТЫ

Рамана Махарши:
ЧЕРЕЗ ТРИ СМЕРТИ

Мария Владимировна Николаева Свами Вивекананда: вибрации высокой частоты. Рамана Махарши: через три смерти (сборник)

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8609222

Свами Вивекананда: вибрации высокой частоты. Рамана Махарши: через три смерти :

Издательская группа Традиция, Книгоиздательство АБВ; Москва; 2014

ISBN 978-5-9633-0074-9

Аннотация

Имя Свами Вивекананды (1863–1902) известно почти всем, однако в представлении большинства он остается неким социальным деятелем, активно проводившим политику, которая оказалась успешной. В действительности Свами Вивекананда был санньясином (монахом), достигшим переживания самадхи (самореализации) с помощью учителя, после ухода которого долгие годы провел в скитаниях по родной стране. Суть его послания к человечеству – послания, переданного всей его недолгой жизнью, – не социальное равенство и даже не религиозное единство, а Богореализация во всеобщем масштабе.

Внешняя биография Рамана Махарши (1879–1950) бедна событиями, ее можно было бы изложить на нескольких страницах. Но как неиссякаемый источник духовности Махарши выступал в окружающем мире божественным «неподвижным перводвигателем», и история его жизни наполнена удивительными событиями, происходившими с теми людьми, которые волею судьбы попадали в сферу его всепоглощающего молчания. Так было всегда: Махарши оставался недвижим, приводя в движение мысли и чувства окружавших его людей. Принимая его жизнь в целом, но переживая и переосмысляя ее, мы лишь следуем сложившейся традиции...

Впервые под одной обложкой две этих книги объединены в авторской серии Марии Николаевой в издательской группе «Традиция».

Содержание

Слово издателей	4
Предисловие к третьему изданию	5
Свами Вивекананда: вибрации высокой частоты	7
Введение	8
Часть 1	10
Глава 1	10
Динамизм: беспокойное детство	10
Артистизм: музыка, свет, игра...	11
Критицизм: полемика и «тесты»	12
Глава 2	14
«Почему же ты раньше не приходил?»	14
Магические прикосновения учителя	15
«Когда узнает, кто он на самом деле...»	17
Глава 3	18
Узы братства и обет непривязанности	19
Странствующий монах: от дворца к дворцу	20
Мыс Кумари: прозрение в судьбу Индии	22
Часть 2	24
Глава 1	25
Преображение Парламента Религий	25
«Циклонический индус» среди оваций	26
Западные санньясины и сподвижники	28
Глава 2	30
«Сердце Индии» в стране-колонизаторе	30
От преданности до предательства...	31
«Разрываясь» между материками...	32
Глава 3	33
Маршруты странствий по Вселенной	34
Посещение «одухотворенной» Америки	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Мария Николаева Свами Вивекананда: вибрации высокой частоты Рамана Махарши: через три смерти

Слово издателей

Путей к Высшему много, и они неисповедимы, ибо каждый человек неповторим, неповторим и его путь. Но некоторые жизни являются признанными примерами стяжания Духа Святого.

Представленные в настоящей книге «жизни замечательных людей», среди событий которых явно видна рука Всевышнего, подтверждают также фразу, что дело не в дороге, которую мы выбираем, а в том, что внутри нас заставляет ее выбирать.

И пусть каждый читатель увидит в этих жизнеописаниях свою возможность человеческого совершенства и найдет свою дорогу в Царствие Небесное.

Предисловие к третьему изданию

Рамана Махарши и Свами Вивекананда представляются на самый первый взгляд полной противоположностью во всем: один прожил всю жизнь возле Аруначалы, другой исходил всю Индию и исколесил весь Запад. Один практически безмолвствовал, давая лаконичные ответы, другой давал ежедневные лекции, проповедуя индуизм во всем мире. Один не стремился оставить преемников, другой создал огромную организацию и так далее.

Тем не менее, Свами Вивекананда и Рамана Махарши являются самыми яркими представителями веданты в современном мире, и даже более точно – адвайта-веданты, как учения о недвойственности Себя и Бога. Вот почему знакомство со столь контрастными биографиями наилучшим образом позволяет проникнуть за внешние проявления личной миссии в самую суть их внутреннего Единства, постигая единство противоположностей как глубокий источник великих подвижников.

Я надеюсь, это издание позволит многим читателям ответить на вечный вопрос, который задавал еще Арджуна в «Бхагавадгите» своему божественному гуру Кришне:

*Целиком погруженный в самадхи, нерассеянный мыслью – каков он?
Стойкий в мудрости – как говорит он?
Как сидит он, как ходит подвижник?*

Оба текста были написаны мною в Майсуре (Южная Индия) в конце 2004 – начале 2005 года. Стоит отметить, что получение вида на жительство в Индии стало возможно благодаря презентации Сатья Саи Бабы в моей более ранней книге по vastu. До этого у меня было два интервью с Сатья Саи Бабой, а он ведь тоже был выразителем философии адвайта-веданты.

Само местоположение позволило мне заново посетить знаковые места, связанные с героями моих произведений. Моя вторая поездка в ашрам Раманы Махарши была насыщена длительными медитациями в его пещерах и жилищах, подъемом на вершину и обходом Аруначалы, получением редких источников в библиотеке.

В самом Майсуре находится ашрам Рамакришны Парамахамсы, гуру Свами Вивекананды. Я побывала также на мысе Канья-Кумари, где Вивекананда медитировал перед принятием решения отплыть в Америку, и получила даршан лингама в храме Рамешварама, без которого он сам не считал возможным отправиться в путь на Запад. Было также много встреч и бесед.

Сами книги тоже имеют уже некоторую историю публикаций. Первое издание вышло в Санкт-Петербурге в серии «Странники духа», выпускаемой тогда издательством «Невский проспект», сразу после завершения рукописей в 2005 году. Второе издание книг в виде двухтомника «Воины духа» последовало через пару лет в Москве благодаря издательству «Ритамбхара». Наконец, настоящее третье издание группы «Традиция» впервые объединяет обе книги под одной обложкой, что придает этому труду логическую завершенность.

Хотя у меня больше не появлялось книг непосредственно по адвайта-веданте, само взаимодействие с традицией сильно интенсифицировалось в годы моего пребывания в Индии вплоть до принятия карма-санньясы в 2007 году, после чего я перенесла свои исследования в Юго-Восточную Азию. Тем не менее, отчеты о моих личных контактах с ведантистами продолжали выходить в виде отдельных статей и репортажей, как на русском, так и впоследствии на английском. Даже можно считать «учение о единстве» основанием моей «стратегии самобытности».

Я хотела бы снова поблагодарить всех своих коллег-философов и сотрудников в издательской и организаторской сферах деятельности за поддержку моих исследовательских проектов!

*Мария Владимировна Николаева,
Санкт-Петербург, 2014 год*

Свами Вивекананда: вибрации высокой частоты

Введение

События и мифы в судьбе Вивекананды

Великая личность всегда становится источником не только свершения важных событий, но и возникновения новых мифов. Имя Свами Вивекананды (1863–1902) известно почти всем, однако в представлении большинства он остается неким социальным деятелем, активно проводившим политику, которая оказалась успешной. Учение Свами Вивекананды даже индийские ученые нередко называют «ведантическим социализмом», а его самого – «революционером», ограничивая таким образом его свершения общественным уровнем. Безусловно, влияние его идеи единения Востока и Запада на массовое сознание в мировом масштабе – самое очевидное из достижений, но это лишь поверхность, под которой в глубинах духа разворачивалась его подлинная миссия.

В действительности Свами Вивекананда был *санньясином* (монахом), достигшим переживания *самадхи* (самореализации) с помощью учителя, после ухода которого долгие годы провел в скитаниях по родной стране. Суть его послания к человечеству – послания, переданного всей его недолгой жизнью, – не социальное равенство и даже не религиозное единство, а богореализация во всеобщем масштабе. Свами Вивекананда – не народный герой, а мистик, ибо все его действия продиктованы божественной волей, и он ничего никогда не делал, если его не подвигала на это непреодолимая высшая сила духа. Развенчание сложившегося мифа требует смены привычной установки сознания, понимания того факта духовной реальности, что не политики, а святые вершат судьбы мира. Таким образом, изменение мнения о личности Свами Вивекананды – пример восстановления настоящей биографии, позволяющий заново переписать историю.

Второй миф, первой жертвой которого стал именно Свами Вивекананда, порожден досужим представлением о том, что духовные учителя Индии только и мечтают «свалить на Запад», будто бы Америка представляется им раем на земле и едва ли не священным местом паломничества. Ведь путешествие Свами Вивекананды положило начало целой традиции визитов великих индийских гуру в Америку, причем, как правило, в Калифорнию, которая стала казаться местом «притяжения» духовности, средоточия силы развития и колыбелью будущего. Всем известно, что успех выступления Свами Вивекананды во Всемирном Парламенте Религий обязан его обращению к аудитории: «Сестры и братья американцы!» – за которым последовал шквал оваций. В действительности подобное обращение не было продиктовано желанием «быть принятым», ибо уже следующая фраза показывала сознание своего превосходства. Свами Вивекананда обращался к «младенческой нации» от лица «древнейшей духовной культуры», равно как и все последующие индийские учителя вовсе не мечтали найти прибежище в богатой и могучей державе, а выполняли миссию наставничества.

Наконец, третий миф распознать и развенчать труднее всего, ибо в нем больше «частичной истины», а именно, речь идет о вполне справедливом восприятии Свами Вивекананды как представителя индуизма, которым он на самом деле официально выступал в Америке. Более того, даже в описании его духовных переживаний всегда присутствует лейтмотив отождествления с Индией, переживания за родную страну и усилия по просветлению ее будущего. Казалось бы, что здесь неверного... В действительности для Свами Вивекананды индуизм – не просто религия Индии, а «самая универсальная система в истории религий», некий прототип всеобщей религии, основанной на вере в возможность боговоплощения не в отдельных личностях, а во всем человечестве. В итоге нам предстоит заново познакомиться со Свами Вивеканандой и узнать, кем же он был на самом деле.

Свами Вивекананда известен прежде всего, как первый представитель Индии на Западе, изменивший реальность их отношений до неузнаваемости, а в индуизме новые Вселенные создаются только божествами. Загадка необъяснимой духовной мощи Свами Вивекананды, воистину воссоздавшего целую Вселенную на месте прежнего мира, решается в ответе на вопрос, воплощением какого божества была его земная личность. На этот счет существует несколько предположений, и все они выглядят слишком мистичными для современного читателя, хотя и являются исчерпывающими в рамках индийской культуры. Правильнее всего считать, что Свами Вивекананда был средоточием самой Индии и в его личности выразились зародившиеся в недрах духа нации новые устремления, которые ему довелось воплотить в жизнь. Но коль скоро он воплощал собой «новый индуизм», нисколько не помешает привести традиционные истолкования происхождения самой его личности.

В семейных преданиях сохранился рассказ матери Свами Вивекананды об обстоятельствах его рождения. Выйдя замуж совсем юной, она потеряла двоих детей еще в младенчестве, а потом у нее рождались только дочери. Для индийской семьи рождение сына очень важно, и, как благочестивая преданная бога Шивы, мать Вивекананды приняла обеты подвижничества, желая вымолить у бога долгожданного сына. В ожидании благословения она проводила время в посте и медитации, сосредоточив все свои душевные силы на любви к Шиве.

Однажды ночью ее посетило яркое видение наяву, ибо она провела в святилище весь день, а потом никак не могла уснуть, хотя все вокруг дышало покоем отдохновения. Внезапно в высочайших небесах послышался зов, и для благочестивой женщины настало время принятия божественной милости. Перед ней предстал сам бог Шива, вышедший из состояния глубокой медитации, чтобы принять форму крошечного младенца и низойти в ее чрево. Мать очнулась от созерцания, обнаружив себя в наплывах света, приносящих непередаваемое блаженство, и только повторяла бесконечно: «Шива, Шива...» Вскоре она почувствовала, что беременна, и ее сын с самого детства испытывал бесконечную любовь к Шиве.

Несколько иное истолкование божественного происхождения Свами Вивекананды мы находим в видении его учителя *Рамакришны Парамхамсы*, которого индийцы почитают не просто как святого, а как *аватара* – воплощение самого Бога, которое происходит, когда на земле наступает упадок духовности. В индуистской традиции существует концепция аватара и его спутников: считается, что Бог никогда не нисходит к людям в одиночестве, его всегда сопровождают «вечные спутники».

Однажды Рамакришна погрузился в самадхи, и ему предстала картина высочайших небес, где сидели семеро мудрецов, погруженных в глубокую медитацию. Постепенно в окружающем их сиянии сгустилась еще более ослепительная фигура божественного младенца, который приблизился к одному из мудрецов, обвил ручонками его шею и позвал: «Пойдем со мной! Мне пора спускаться...» Мудрец очнулся от сосредоточения, часть его внимания обратилась на звук голоса, а тело и сознание полились вниз лучом дивного света. По признанию Рамакришны, этим мудрецом был Свами Вивекананда, а божественным младенцем – он сам.

Позже учитель добавлял, что только пелена *майи* (забвения), скрывающая истину от смертных существ, удерживает Свами Вивекананду на земле, которую он покинет сразу же, как только узнает, кто он на самом деле... Но, как мы увидим, Свами Вивекананде было суждено покинуть уже преображенную его энергией вселенную.

Часть 1

Личность как средоточие всей Индии

«Духовное странничество» с древнейших времен характерно для Индии, поскольку здесь сложился религиозный тип санньясина – монаха, переходящего с места на место. Свами Вивекананда всю свою жизнь провел в странствиях, которые не были хаотичными, а представляли собой развитие его собственной личности. Вибрация высокой частоты, которую он ощущал с самого детства, постепенно заставляла его расширять диапазон передвижений. Мечтая стать странствующим монахом, он действительно в молодости обошел всю Индию. Когда же он, наконец, дошел до крайней южной оконечности Индии и осознал ее как единое целое, восприняв внутреннее стремление ее сущности как порыв к дальнейшему передвижению, он отправился через море в Америку выступать в качестве представителя индуизма в Парламенте Религий. В дальнейшем спектр его внутренних вибраций охватил сначала Европу, а затем, после возвращения в Индию, он соединил в своих перемещениях множество стран, воистину создав из ничего новую Вселенную.

В становлении Свами Вивекананды поражает неумолимая последовательность развития духа новой Индии, направившего его на Запад. Сознывая свою «одержимость миссией», которая поначалу оставалась неясным устремлением, он заметил однажды: «Иначе как нищий бездомный монах, каким я был тогда, вообще мог бы отправиться за океан?» Свами Вивекананда не был человеком в обычном смысле, ибо у него не было «личной жизни», а вся его судьба стала излучением внутреннего света, выхватывающего из темноты все новые и новые пространства. В детстве он видел лишь яркую световую точку в межбровье, а после его ухода распространенный им свет озарял уже целый мир.

Конечно, Свами Вивекананда – монашеское имя, и в детстве его звали *Нарендранатх*, или просто *Нарен*, но в своих странствиях он сменил несколько разных имен, оставаясь при этом цельной личностью, поэтому мы с начала и до конца будем называть его Вивеканандой, что переводится как «блаженство понимания».

Глава 1

Вибрации «высокой частоты»

«С самого детства я чувствовал необъяснимую силу, поднимавшуюся во мне изнутри, переполнявшую тело и вызывавшую беспокойство. Поэтому я все время находил себе новые занятия, а если бы меня заставили просидеть спокойно три-четыре дня, то я бы серьезно заболел или повредился в рассудке. Мой внутренний мир постоянно вибрирует и подвигает меня на деятельность...» – признавался сам Свами Вивекананда. Впоследствии любому постороннему наблюдателю это становилось более чем очевидно: так, Ромен Роллан называл Свами Вивекананду воплощением энергии, создающей неутомимую активность. Однако к моменту принятия миссии сила его была ограничена и отшлифована блестящим образованием и духовным послушанием, а в детстве это было чистое проявление непонятного беспокойства. Динамичность его личности проявлялась во всем: в подвижности и выразительности внешности, в переменах чувств, безудержной фантазии, пытливости разума, полыхании духа...

Динамизм: беспокойное детство

Свами Вивекананда воплотился в роду, который отличался двумя чертами – беспокойством и добротой, и обе они были выражением внутреннего динамизма, излучением внут-

ренней силы, принимавшим разные формы: духовных поисков, страсти к приключениям, жажды новых знаний и стремления к перемене мест. Неприемлемой была для членов этой семьи монотонность обыденной жизни, не говоря уже о недопустимости застоев в течении событий.

Дед Вивекананды был настоящим «странником духа», ибо принял санньясу еще в молодости и покинул дом, не оставив никаких следов своего местонахождения. Только двенадцать лет спустя, по монашеской традиции, он посетил родной дом, но попытки удержать его оказались тщетны. Три дня он молча просидел взаперти, как пленник, в своей старой комнате, не поднимая головы и не принимая пищи. Наконец, опасаясь, что он умрет от голода, родственники оставили на ночь дверь открытой, к утру он бесследно исчез, и больше о нем ничего не слышали. Отец Вивекананды, напротив, воплощал светский тип неутомимой активности: как профессиональный юрист, имевший обширную практику в Калькутте, которая в те времена была столицей Индии, он часто ездил по делам, а через его дом проходил постоянный поток посетителей.

Необычный ребенок, появившийся на свет в этом беспокойном роду, отличался особыми приступами беспокойства, которые нередко изматывали все семейство, и никакими игрушками его было не унять, равно как не помогали ни уговоры, ни угрозы. Нередко после подобных сцен мать в отчаянии восклицала: «Я молила Шиву о сыне, а он послал мне одного из своих демонов!» В конце концов она научилась успокаивать разбушевавшуюся стихию в детской, поливая голову сына холодной водой, одновременно шепча ему на ухо имя Шивы, а также запугивая, что Шива не пустит его на гору Кайлас, если он не будет себя хорошо вести.

Но в остальное время это был очаровательный ребенок, способный удивляться и радоваться всему вокруг, согревавший весь дом золотистым смехом и забавами, подобно маленькому разгорающемуся солнцу. Даже в школе он не мог усидеть спокойно, но схватывал знания на лету и поражал учителей быстротой реакции на любые вопросы, а все свободное время проводил в веселых играх с друзьями, среди которых был заводилой. Но его лидерство не носило никакого оттенка зазнайства, и отзывчивость была яркой чертой его живого характера: он бросался на помощь при малейшей необходимости, нередко забывая о собственной безопасности.

Необыкновенной для маленького ребенка была любовь Вивекананды к бродячим санньясинам, нередко появлявшимся у ворот дома просить милостыню, что составляет неотъемлемую черту индийских будней. Однажды в порыве милосердия он отдал проходившему старику-монаху свое новое дхоти. Тот намотал его на голову, благословил мальчика и удалился. Мать, заметив пропажу и узнав о случившемся, стала запирает сына в комнате, как только замечала приближение очередного санньясина. Но на этом дело не кончилось, он всякий раз выбрасывал что-нибудь через окно в качестве пожертвования и танцевал от радости, когда попытка удавалась. Другой раз он сам стал играть в санньясина, надев оранжевые одежды и выкрикивая: «Я – Шива! Я – Шива!» – чем страшно перепугал свою мать, ибо семейное предание о дедушке-монахе было живо в ее памяти.

Подрастая, Вивекананда с нетерпением ждал того времени, когда он сможет сам решать свою судьбу, и обращал внимание на любые предзнаменования. Хотя он и был по натуре скептиком, но с торжеством показывал свою ладонь товарищам и заявлял: «Смотрите, эта линия означает, что мне суждено принять санньясу!»

Артистизм: музыка, свет, игра...

Вивекананда терпеть не мог монотонных серых будней, поэтому каждый день подыскивал себе новые занятия, но он был настолько чист душой, что никогда не ступал на неправильные пути. Гармоничность его внутреннего настроения лучше всего выражалась, конечно, в

музыке, которой он учился по настоянию отца, заметившего его незаурядные способности. В доме царила атмосфера любви к музыке, ибо сам отец был прекрасным певцом и давал сыну первые уроки, во время которых они вместе разучивали новые песни. Позднее отец устроил для него занятия классическим вокалом и инструментальной музыкой с известными индийскими мастерами.

Вивекананда знал множество индийских и персидских песен, посвященных выражению преданности богу, владел такими традиционными инструментами, как табла и ситар, хорошо разбирался в теории музыки, изучив древний трактат «Сангита Кальпатару», написанный на его родном бенгальском языке. Вивекананда часами просиживал в своей комнате за занятиями музыкой, и друзья часто собирались вечерами послушать его пение. Голос его был таким задушевым и мелодичным, словно в нем воплощался сам дух песни, и его пение становилось дивным инструментом прославления бога. Именно на одном из музыкальных вечеров в нем признал долгожданного ученика Рамакришна, надолго погрузившись от звучания его голоса в самадхи.

Главной чертой характера Вивекананды была чистота, незамутненная ничем, хотя в юности он был открыт множеству влияний. Чистоту он считал первой добродетелью человека. Вивекананда всегда старался объединить усилия своих друзей в каком-то совместном деле, и ему это блестяще удавалось. Однажды он создал театральную труппу, чтобы устраивать представления в просторном зале своего дома, и только протест со стороны родных положил конец репетициям. Тогда он принялся за устройство гимназиума во дворе дома, чтобы устраивать спортивные состязания, а вечерами показывал слайды.

Со всеми соседями, независимо от их касты или благосостояния, он устанавливал дружеские отношения, так что его повсюду принимали как родного. Как-то раз отец одного из друзей удивился: «Ты все время проводишь в играх и гостях, но случается ли тебе сидеть за книгами?» – и он ответил без колебаний: «Я и играю, и читаю!» Тогда его решили проверить по всем школьным предметам, и взрослые были поражены его знаниями. На самом деле успехи Вивекананды объяснялись не усидчивостью, а превосходной памятью, ибо ему было достаточно наспех перелистать книгу, чтобы потом пересказать ее почти дословно, поэтому его ответы на уроках становились блестящими выступлениями.

Но магнетизм личности Вивекананды, заметный уже в детстве, коренился не во внешнем динамизме и даже не в гармонии звучания его души, а в тонких вибрациях чистого света, который он излучал. С самого раннего детства он начал играть в «медитацию» и, что было действительно странно, часами пребывал в состоянии полной неподвижности, из которого его было очень трудно вывести. Даже когда однажды в комнату заползла кобра и все в ужасе разбежались, он продолжал сидеть погруженным в себя. Сосредоточение было таким полным, что он ничего не видел и не слышал вокруг, а по «возвращении» из медитации рассказывал, что не ощущал ничего, кроме неслыханного блаженства.

Каждую ночь перед сном посещало Вивекананду странное видение, всегда появлявшееся в момент засыпания. Стоило ему закрыть глаза, как в межбровье возникала чудесная светящаяся точка, излучавшая белое сияние, которое затопляло сознание и потоками омывало все его тело. Поначалу он считал, что так засыпают все люди, но после расспросов понял, что никто не испытывает ничего подобного. И только при встрече с учителем ему не пришлось ничего объяснять, ибо тот сам спросил, видит ли он свет в межбровье, и объяснил ученикам, что Вивекананда рожден совершенным в медитации.

Критицизм: полемика и «тесты»

Стремление проверять все на собственном опыте было присуще Вивекананде по природе, и он всегда критически относился к любым сведениям, пока не проверял их сам, а если

его ожидания расходились с реальностью, безжалостно расставался с иллюзиями. В детстве он часто делал то, что ему запрещали, с единственной целью – проверить, что же тогда случится. Так, однажды он принялся бегать по прихожей и трогать руками всех слуг, а когда отец с удивлением спросил, чем он занят, то ответил, что хочет знать, действительно ли он умрет, если прикоснется к человеку из низшей касты, на что отец только рассмеялся. В другой раз он полез на дерево за цветами, и сторож стал внушать ему, что в ветвях обитает призрак, который сворачивает шею всем, кто срывает цветы. Но стоило сторожу отойти подальше, как мальчик сразу залез на дерево, чтобы встретиться с призраком, которого, конечно, там не нашел. Более серьезному испытанию подверглась его вера в образ Ситы-Рамы (божественной супружеской пары), которому он поклонялся с самого детства, пока не услышал о величии идеала безбрачия. Тогда он в слезах схватил образ, выбежал на крышу, и в следующую минуту внизу валялись одни обломки, а место на алтаре занял аскетический образ бога-йогина Шивы.

В непрерывной вибрации пребывал и разум Вивекананды: конечно, он был рожден идеалистом и искателем истины, и всегда учил: «Не принимайте за откровение написанное в книгах! Не верьте на слово всему, что слышите от людей! Отыщите свою собственную истину! Именно это и есть самореализация!» Хотя в колледже Вивекананда получил степень бакалавра искусств, его подлинной страстью были философия и логика, и он сам занимался изучением западной философии, стремясь подтвердить любое положение неопровержимой аргументацией. Все свободное время он проводил в дискуссиях с товарищами на философские темы, и его разум претерпел радикальные преобразования: он отточил аналитические способности и обогатил воображение, так что ментальный динамизм его личности выражался в суждениях с необыкновенной силой. Больше всего его интересовал материализм *Спенсера* и позитивизм *Конта*¹, хотя его пытливый разум не обошел стороной ни одно учение великих мыслителей. Вне всякого сомнения, *Гессе* мог бы признать его мастером «игры в бисер» благодаря непринужденности в составлении любых гармоничных комбинаций из разрозненных областей познания. И нет нужды добавлять, что все индийские и английские профессора считали его «гением» и прочили ему великое будущее.

Перед юным Вивеканандой представляли два идеала – мирской и духовный, подобно двум полюсам, задававшим широту его натуры. Сам он ощущал силу, достаточную для осуществления любого из них, а на самом деле ему удалось соединить и воплотить в своей жизни оба. Так, день сдачи выпускных экзаменов застал его в странном настроении: «Прочь все книги, ибо истина явится только в присутствии Бога!» – и он принялся воспевать славу Господу, проведя за этим занятием все время и попросту пропустив экзамены, но... на следующее утро пошел в колледж и блестяще выдержал испытания.

Вскоре он примкнул к обществу Брахмо Самадж, члены которого исповедовали новый индуизм и веровали в бесформенного Бога с бесчисленными атрибутами. На социальном уровне это движение было занято образованием невежественных масс индийского народа, и для Вивекананды это стало первым опытом «миссионерства».

Однако его стремление к истине было сильнее любых установок, поэтому он неизменно задавал каждому из духовных деятелей главный вопрос: «Сэр, вы видели Бога?» – но никогда не получал утвердительного ответа. Однажды он нанес визит *Д. Тагору* – лидеру другой религиозной общины, но услышал после долгого молчания лишь одно: «Друг мой, у тебя глаза йогина!» Наконец, он нашел то, что искал, – при встрече с Рамакришной тот сказал просто: «Да, конечно, Бог существует, и с ним можно беседовать, как мы сейчас с тобой...»

¹ Огюст Конт (1798–1857) – французский философ, социолог, основатель школы позитивизма.

Глава 2

Спутник нисходящего божества

Как известно, «когда ученик готов, появляется учитель». Вивекананда к моменту встречи с Рамакришной представлял собой «гармонично развитую личность» и все же оставался неудовлетворен своим состоянием. Как мы видели, огромная энергия, которой он был наделен, в детстве пронизывала его тело и приучила к динамичной жизни, в отрочестве та же самая сила развила в нем чувства и придала его облику артистичность, а в молодости еще более возвышенные вибрации охватили его разум и воспитали в нем то, что он сам называл «агностицизмом», или критическим отношением ко всякому познанию. Таким образом, тело, чувства и разум Вивекананды резонировали друг с другом в одной прекрасной мелодии, которая превращала его существование в песнь томления по духовной реализации. Иными словами, у него было все, но он жаждал узреть Бога, поэтому судьба неминуемо привела его к встрече с человеком, воплотившим божественное в своей собственной жизни. И прежде чем мы увидим, чем обернулась эта встреча для развития всего мира, нам следует обратиться к жизни его учителя, чтобы понять, к какому периоду подошел в исполнении своей миссии сам Рамакришна и почему встреча с Вивеканандой оказалась для него не менее «роковой».

«Почему же ты раньше не приходил?»

Шри Рамакришна Парамахамса почитается в Индии не просто как святой, а как аватар – воплощение Бога в человеческом теле. Так представляется его миссия для самих индийцев, которым мы можем верить или не верить, но их истолкование остается «рабочим» в их системе ценностей, а Вивекананде было предначертано распространять эту систему на Западе.

Согласование – закон природы, по которому Восток и Запад издревле представляют собой два поля активности, где в первом преобладает развитие духа, а во втором – материи. Вместе они уравновешены, но в XIX столетии гармония стала нарушаться: Запад устремился в погоню за мирскими удовольствиями, а Восток начал отпадать от своих истинных идеалов. В этот исторический момент сам Господь, верный своему обещанию нисходить на Землю всякий раз, когда добродетель в людях ослабевает, воплотился как Рамакришна. В одной личности он соединил бескрайнюю любовь и сострадание Будды и Христа с мощным разумом Шанкары², чтобы явить людям свет истинной религии. Рамакришна – первый святой в истории человечества, реализовавший сначала цель индуизма, а затем прошедший до самого конца пути всех религий, чтобы возвестить их подлинное единство на примере собственной жизни.

Рамакришна родился в бедной семье брахманов, которых односельчане почитали как святых, и по своему социальному статусу мог получить хорошее образование. Но он задался «недетским» вопросом, помогут ли ему все эти знания достичь Бога и превозмочь страдания мира. И он предпочел остаться невежественным, чтобы последовать по пути Господа и воплотить идеал мудрости, озаряющей сердце и доставляющей блаженство совершенства.

Приняв предложение стать священником в храме богини Кали, Рамакришна направил все свои помыслы и устремления к одной цели – богореализации. Двенадцать лет провел он в пламенном молении к Матери явить свой истинный образ, и когда его страдания

² Шанкара – вероучитель и философ XVIII века, ставивший целью восстановить древнее знание веданты в истинном свете, но тем самым создавший новую философскую школу, получившую название «адвайта-веданта», или «учение о не dvojественности», которое он стремился донести в простой и доступной форме до всего индийского народа.

достигли высшей точки, он готов был покинуть свое брненное тело и схватил храмовый меч, не желая продолжать бесплодное существование, не озаренное божественным светом. В тот же момент на месте почитаемой статуи возник дивный столп пламени, и сама Богиня явилась ему в своем подлинном облике, сияние которого пронизывало все вокруг. По телу Рамакришны заструилось непередаваемое блаженство, не прекращавшееся и после того, как видение исчезло, так что он словно вступил в новую безграничную область реальности.

Многие удовлетворяются лишь проблесками света, лишь памятью об откровении, убедившем их в реальном существовании Бога. Но Рамакришна жаждал пребывать в присутствии Бога всегда, поэтому после видения он не успокоился, а удвоил свои моления, пока место храмовой статуи не заняла живая Мать, которая больше нигде не исчезала и благословляла его с милостивой улыбкой во всякое время. Рамакришна проводил подле нее дни напролет, беседуя с ней, подавая ей пищу, украшая цветами... Стоит ли говорить, что окружающие считали его сумасшедшим, но Господь никогда не оставляет своих преданных. Вскоре в тех краях появилась ученая отшельница, практиковавшая бхакти-йогу и тантру, которая сверилась со своими книгами и на ученом диспуте сумела доказать пандитам, что в Рамакришне явлены все признаки боговоплощения.

Многие святые разных религий посещали храмовый комплекс, и Рамакришна получил возможность реализоваться во всех известных системах верований. Каждый из путей, пройденных им, не менее драматичен и восхитителен, чем поклонение богине Кали, но мы должны вернуться к Вивекананде...

К моменту их встречи Рамакришна пришел к трем практическим заключениям, полученным на собственном духовном опыте: все религии суть истинные пути к Богу; теории двойственности и недвойственности сущего (двайта и адвайта) не противоречат, а взаимно дополняют друг друга; божественная Мать намерена создать через него новый монашеский орден, призванный распространять в мире идеи религиозной универсальности. Итак, когда Рамакришну переполнили свет и мудрость, он почувствовал желание одарить своим знанием и силой те души, которые пришли на землю в последний раз, с единственной целью окончательной самореализации. Тогда он стал молиться о ниспослании ему учеников, и постепенно вокруг него начали собираться искатели истины и почитатели. Вскоре услышал о нем и Вивекананда, находившийся в поисках именно того знания, которым Рамакришна жаждал одарить достойного восприимчика. Их встречей завершились поиски обоих.

Магические прикосновения учителя

Рамакришна представлял собой традиционную Индию, продолжение ее духовной перспективы, аскетизм и реализацию, а переполненный сомнениями и скептицизмом Вивекананда – наступление новых времен, и в результате их встречи зародились сердце и разум новой Индии.

Неутомимую активность Запада следовало воссоединить с глубокой созерцательностью Востока, чтобы из смешения вод обоих потоков образовалось течение нового индуизма. Конечно, на личном уровне встреча была тоже необыкновенной. Рамакришна рассказывал после о первом посещении Вивекананды:

Было очевидно, что его не заботят внешность и одежда, мнение окружающих и мир вообще. Взгляд его отражал глубокий разум, который частично всегда сосредоточен на чем-то внутри. Я был потрясен, что человек такой духовной силы явился сюда из материальной атмосферы Калькутты. Я попросил спеть что-нибудь, и его голос зазвучал с такой чистотой, что я больше не мог сдерживаться...

В воспоминаниях Вивекананды мы находим продолжение:

Когда я закончил петь, он позвал меня на веранду, как я думал, чтобы дать мне наставление наедине, но произошло нечто неожиданное. Рамакришна взял меня за руку и, заливаясь слезами радости, заговорил со мной с нескрываемой нежностью, упрекая, что я пришел так поздно. Затем он сложил ладони в молитвенном жесте и обратился ко мне как к божественному мудрецу, посланному на Землю... Я не знал, что и думать!

Но все же он пообещал Рамакришне вернуться через несколько дней без друзей.

Следующая встреча перевернула все в сознании Вивекананды, ибо он впервые видел перед собой человека, убежденно говорившего о Боге как о реальной личности, с которой можно общаться в повседневной жизни.

Когда он приехал один, Рамакришна сидел на кровати в комнате и предложил ему присесть рядом, явно обрадовавшись его появлению. В следующее мгновение Вивекананда заметил, что Рамакришну охватило какое-то странное состояние, в котором он сосредоточил свой взгляд на Вивекананде, а затем подвинулся ближе к нему. Вивекананда был готов к очередному порыву излияния чувств, но произошло нечто совсем иное. Рамакришна с сиянием в глазах коснулся правой ногой его тела, и внезапно стены комнаты начали отступать, а предметы растворяться, и все вокруг вместе с ним стало погружаться в бездонную пустоту. С открытыми глазами он наблюдал, как исчезает он сам, и, потеряв всякий контроль над собой, выкрикнул: «Что ты со мной делаешь? Меня дома родители ждут!»

Рамакришна громко рассмеялся, коснулся его груди и спокойно произнес: «Хорошо, всему свое время». Сразу же, не менее чудесным образом, привычный мир вернулся на прежнее место.

В третий раз Вивекананда решил не поддаваться «гипнозу» и держаться осторожнее, но все же приехал к Рамакришне, который предложил ему прогуляться по саду. Спустя некоторое время они уселись в беседке, Рамакришна погрузился в самадхи и в этом состоянии снова коснулся Вивекананды. Вопреки всей своей бдительности тот мгновенно потерял осознание внешней реальности, а когда пришел в себя, увидел склонившегося над ним Рамакришну, растиравшего его грудь. Вивекананда не имел ни малейшего представления о том, что произошло с ним за это время, тогда как Рамакришна рассказал после другим ученикам много удивительного: «Пока он был погружен глубоко в себя, я задал ему много вопросов о его миссии в текущем воплощении и получил исчерпывающие ответы, которые только подтвердили мои предположения. Такие вещи следует держать в секрете, поэтому я скажу только то, что он мудрец, совершенный в медитации, и в тот самый день, когда он узнает о своей истинной природе, он немедленно покинет тело с помощью йоги, посредством одной лишь силы воли...»

Жизнь Вивекананды вступила в период «становления святости»: он полностью принадлежал Рамакришне как учителю после первого же прикосновения, хотя его разум продолжал сопротивляться еще несколько лет. Это была своего рода «одержимость», но она давала неопишемую свободу духу Вивекананды, которую он поистине жаждал и не мог не почувствовать. Его склонность к аскетизму и самоотречению только усилилась от контакта с Рамакришной, но его скептический разум порождает все новые и новые сомнения, среди которых его могучий дух сражался за утверждение подлинной реальности.

Учитель понимал, что Вивекананда склонен к джняна-йоге – пути познания, и готовил его к восприятию реальности в свете адвайты – учения о недвойственности. Однажды они рассуждали о сущности утверждения, что «все есть Бог», и Рамакришна снова погрузил Вивекананду в самадхи. Прикосновение учителя произвело чудесное превращение в его сознании: он буквально начал видеть единство вещей, основанием которого был Бог, и на что бы он ни обратил свое внимание, повсюду находил только Бога. Примечательно, что такое

состояние не проходило несколько дней, – хотя Вивекананда вернулся домой и продолжал обычную жизнь, его поведение казалось странным. Когда он вернулся к обычному состоянию, то понял, что ему довелось узреть проблеск сознания недвойственности.

«Когда узнает, кто он на самом деле...»

В течение пяти лет ученичества Вивекананда примерно дважды в неделю приезжал к Рамакришне, который с нетерпением и безмерной любовью ждал его посещений, жалуясь всем посетителям: «Жить не могу, когда его не вижу!» Для других учеников существовали правила и предписания, но Вивекананда был свободен поступать так, как считал нужным, и его учитель не скрывал своих чувств, которые со стороны могли показаться чистым безумием: в ожидании любимого ученика он даже плакал, вскакивал и выходил на веранду, чтобы посмотреть, не идет ли он, и не переставал повторять всем и каждому о его духовном великолепии. Часто один вид Вивекананды погружал Рамакришну в самадхи, а когда однажды ученик задержался в Калькутте на несколько дней, учитель не выдержал и поехал в город сам, надеясь разыскать его в Брахмо Самадж.

Вечернее богослужение только началось, и Рамакришна в состоянии религиозного восхищения прошел прямо к алтарю, где немедленно впал в самадхи, что произвело неизгладимое впечатление на публику, столпившуюся вокруг. Тогда руководители, желая навести порядок, погасили свет, чтобы никто не видел Рамакришну, но достигли обратного эффекта. Люди хлынули к дверям, где образовалась давка. Вивекананда с трудом вывел Рамакришну наружу сквозь толпу, усадил в рикшу и повез обратно в храм Кали. Сердце ученика болело от мысли, какому унижению подвергся учитель из-за его невнимательности, тогда как он сам сразу забыл обо всем случившемся и лишь безмерно радовался, что они снова вместе...

Тем не менее Рамакришна подвергал Вивекананду множеству «проверок», которые тот всегда выдерживал с честью.

Так, внезапно он изменил свое поведение и при посещениях Вивекананды вообще перестал обращать на него внимание, беседуя с другими учениками. Вивекананда продолжал навещать учителя как обычно, молча слушая беседы, и возвращался домой, не обмолвившись с ним ни словом. Наконец Рамакришна не выдержал: «Почему ты приезжаешь, хотя я не разговариваю с тобой?» – и услышал ответ, восхитивший его до глубины души: «Я приезжаю не для разговоров, а просто потому, что люблю тебя и хочу тебя видеть...» В другой раз Рамакришна стал предлагать Вивекананде передать ему накопленные им *сиддхи* (сверхъестественные силы), но тот минуту подумал и спросил: «Помогут ли мне сиддхи узреть Бога?» Учитель ответил, что они не помогут достичь Бога, но пригодятся для выполнения миссии, которую Бог возложит на него после реализации. Тогда ученик решил, что лучше он сначала достигнет богореализации, после чего станет ясно, нужны ему сиддхи или без них можно обойтись, и учитель остался доволен.

Самым серьезным испытанием стало для Вивекананды то время, когда умер его отец и на его плечи легла забота об обнищавшем семействе. Выбившись из сил в поисках работы, он стал просить у Рамакришны помолиться за него божественной Матери, не сомневаясь, что та исполнит его просьбу. Учитель же велел ему самому пойти в храм и молиться о своих нуждах, но когда Вивекананда приблизился к храмовой статуе, он был охвачен таким блаженством, что позабыл весь мир и стал просить о даровании ему понимания, отречения и преданности Богу. Рамакришна

посылал его в храм несколько раз, но всякий раз история повторялась, и наконец он пообещал: «Хорошо, у твоих близких всегда будет достаточно простой еды и одежды...»

Практика медитации по его «новому методу» постепенно становилась основным занятием Вивекананды, хотя по просьбе Рамакришны он продолжал оставаться в миру до самого его ухода в *махасамадхи*. Добросовестно исполняя все «мирские обязанности», он непрестанно молился Богу из глубины своего сердца: «Господи, будь милостив ко мне и открой мне свою истинную природу, которая есть воплощение истины!» Далее все мысли исчезали из его разума, он терял на много часов ощущение своего тела, и его внимание погружалось полностью в источник духа, находя в нем непередаваемый покой и блаженство.

Таким образом уже в период ученичества Вивекананда накопил богатый духовный опыт: однажды после выхода из медитации он был благословлен видением Будды, а иногда он просыпался у себя в доме от незримого прикосновения Рамакришны, который сопровождал его в медитации в иные сферы. Поток проходившей через него во время медитации духовной силы был столь мощным, что как-то раз другой ученик, прикоснувшись к его колену, отдернул руку, испытав нечто вроде удара током, пронзившего все тело. Постепенно Вивекананда уверился в единственной простой истине любой религии: человек должен видеть Бога, а не просто верить в него!

Рамакришна, который признавал все пути, считал, что Вивекананда склонен в наибольшей мере к джняна-йоге (пути знания), и помогал ему продвигаться в этом направлении. Но учитель видел также, что его ученик не был «сухим ученым», а обладал горячим сердцем и пламенным чувством, поэтому возвращал в нем также идеалы бхакти-йоги (пути любви). В итоге Вивекананда осознал необходимость синтеза религий и воплощения в жизнь единства всех путей к самореализации.

Рамакришна считал, что Вивекананда призван быть «духовным первопроходцем», и готовил его к роли лидера и наставника, хотя и естественным образом все вокруг находили в нем источник религиозного вдохновения. Интенсивность духовной практики особенно возросла перед уходом Рамакришны, и именно на этот период приходятся самые глубокие переживания Вивекананды, включая первое в жизни погружение в *нирвикальпа самадхи* – состояние сосредоточения, сжигающее все следы прошлых впечатлений, после которого мирские узы теряют всякую власть над человеком.

Посреди ночи Вивекананда медитировал вместе со своим другом; внезапно он вскричал: «Где мое тело?» – и упал без сознания, пролежав недвижно до утра в окружении встревоженных товарищей. Рамакришне сообщили о «смерти» Вивекананды, но он лишь рассмеялся и велел его не тревожить, когда же память стала возвращаться, Вивекананда обнаружил себя переполненным блаженством. Рамакришна пояснил ученикам: «Теперь Мать открыла для него истинную реальность... Как только он поймет, кто он на самом деле, в тот же момент он покинет тело силой своей воли! Но я молился Матери, чтобы до поры она сохраняла покров майи на его сознании, ибо многое предстоит ему свершить в мире».

За три дня до ухода из жизни Рамакришна позвал Вивекананду к себе и погрузился в глубокую медитацию, отчего ученик почувствовал вибрацию внутри тела и потерял сознание. Когда он пришел в себя, то увидел плачущего учителя, который встретил его «пробуждение» словами: «Сегодня я отдал тебе всю свою силу и превратился в пустую оболочку... С помощью этой силы ты изменишь весь мир, и только тогда тебе будет позволено узнать, откуда ты явился на Землю».

Глава 3

Паломничество к «самой» Индии

После ухода Рамакришны все его ученики некоторое время пребывали в полной растерянности и просто не знали, что делать. Ясно было одно: надо продолжать дело учителя, для чего нужно быть вместе, а значит, следует создать монашеский орден. Но поначалу для этого не было никакой возможности, а кроме того, в Индии идеал отречения от мира связан с традицией санньясы, духовно объединяющей странствующих отшельников, которые вовсе не живут вместе в монастыре, но постоянно переходят с места на место.

Во всех учениках Рамакришны боролись два устремления: узы братства и любовь к свободе, и особенно сильно эта борьба проявлялась в душе их лидера Вивекананды. Но ведь Рамакришна не был простым смертным, и даже после ухода он продолжал направлять события в должное русло, являясь в видениях тем, от кого зависело исполнение воли божественной Матери. Прежде всего, обстоятельства сложились таким образом, чтобы укрепить духовное единство его учеников, и только затем им было дано воплотить в жизнь стремление разойтись в разных направлениях, чтобы распространить учение как можно шире и в конце концов снова собраться вместе, воссоединив накопленный опыт, вставив в единый духовный центр охваченный в их странствиях мир.

Узы братства и обет непривязанности

Принятие санньясы включает в себя три основных обета: бедности, послушания и безбрачия, – и к моменту ухода учителя жизнь Вивекананды на самом деле уже отвечала всем этим требованиям, оставалось только провести формальные ритуалы отречения от мира. Семья реально бедствовала, и Вивекананда с честью выдержал испытание внезапным обеднением, отдавая своим близким то небольшое, что ему удавалось заработать преподаванием. Послушание Рамакришне стало его плотью, а преданность Богу струилась вместе с кровью по телу, он всецело был отдан своему долгу, хотя и не осознавал его в полной мере. Приверженность идеалу безбрачия была выражением чистоты, присущей ему с самого детства, и все попытки родных настоять на его женитьбе оставались тщетны. Вообще, брахмачарья (безбрачие) – понятие индийской религии, которое слишком часто неверно истолковывают, но оно выступает важнейшим условием реализации в большинстве духовных путей, поэтому имеет смысл уделить внимание тем формам, в которых оно воплощалось в жизни Вивекананды.

С самой юности Вивекананда почитал всякую женщину как мать, и подобное отношение словно щитом заслоняло его разум от заражения похотью.

Когда он учился в колледже, его позиция впервые подверглась испытанию на прочность: готовясь к экзаменам, он отдыхал в промежутках между занятиями, предаваясь пению, в которое вкладывал всю свою душу. В доме напротив жила молодая вдова, и скоро, очарованная его голосом, она влюбилась без памяти, лишь наблюдая за ним из окна. Однажды вечером в дверь комнаты постучали, и на пороге перед Вивеканандой предстала юная красавица, взволнованная первой встречей. Всего несколько секунд промедлил он в изумлении и сразу пал к ее ногам со словами: «О, мать! Зачем ты пришла? Позволь мне почтить тебя, как свою мать!» Женщина все поняла, мгновение спустя он остался один и сразу сменил комнату для занятий.

Вивекананда интуитивно отказывался от заключения брака, вступая в конфликты с отцом, но только Рамакришна разъяснил ему подлинный смысл брахмачарьи: «Сохраняя чистоту в течение двенадцати лет, человек развивает восприятие тонких энергий и становится способен схватывать истинную суть вещей. Постепенно он очищает сознание настолько, что достигает прямого видения Бога». Поразительно, но отец Вивекананды внезапно скончался от сердечного приступа именно накануне того дня, когда собирался заняться

выбором невесты для сына, после чего тот обрел свободу решать свою судьбу согласно предназначению.

Таким же святым, как «материнство», было для Вивекананды понятие «братства», и он стремился сплотить всех учеников Рамакришны в единое тело, движимое общим духом. Однако после ухода учителя у них не осталось дома, где они могли бы жить вместе, ибо были слишком бедны, чтобы платить за аренду. *Сарада Деви*, супруга Рамакришны, которой суждено было превратиться из застенчивой индуски в святую мать ордена, со скорбью наблюдала, как разбредаются ученики в разных направлениях. Тогда она обратилась с молитвой к самому Рамакришне, которого почитала как воплощение Бога: «Господи, неужели все должно закончиться вместе с твоим уходом? Мое сердце надрывается от скорби, когда я вижу твоих учеников, просящих милостыню от дверей к дверям. Молю тебя, пусть они живут вместе и хранят твои идеалы...» В критический момент Рамакришна явился в видении одному из своих мирских почитателей, который был довольно богат и вместе с тем набожен. Прервав его медитацию, он произнес с возмущением: «Чем ты занят, когда мои дети слоняются по дорогам в поисках пристанища? Посмотри, в каком жалком положении они оказались! Ты должен устроить для них жилище...» Вскоре неподалеку от Калькутты на средства преданного Рамакришны был арендован дешевый дом, в котором постепенно собрались все его ученики.

Но в действительности единство учеников Рамакришны держалось не на обретении общего жилища, а было заслугой непреодолимого для всех магнетизма личности Вивекананды, которого они единодушно воспринимали как преемника любимого учителя. Вдохновение монашескими идеалами разгоралось в сердце Вивекананды подобно всепоглощающему пламени и охватывало души его братьев, к которым он обращался с призывами: «Пусть человеко-творение станет единственной целью жизни каждого из нас! Пусть только духовное делание занимает наше время, а мирские помыслы развеются как дым! Рамакришна завещал нам только одно – реализовать Бога!»

Со временем сознание единства превратилось в настоящее чувство, что все они связаны чудесной духовной силой, более мощной, чем любые личные соблазны. Годом позже (1887) все вместе они приняли санньясу, проведя соответствующие ритуалы и приняв новые монашеские имена, и провели три года в совместных медитациях и подвижничестве. Но постепенно стремление к жизни странствующих отшельников завладело ими с новой силой, заставившей их воплотить этот древний идеал: один за другим братья стали покидать дом.

Странствующий монах: от дворца к дворцу

Уход из монастыря не был простым делом для Вивекананды, ибо его удерживало чувство ответственности за братьев: он уходил и возвращался, поначалу странствуя вместе с кем-нибудь из них, но внутри него созревала решимость обрести свой собственный путь. Постепенно он начал ощущать саму привязанность к братьям как цепи, хотя и золотые, но все же удерживающие его от богореализации. Наконец он понял, что для каждого из братьев пришло время покинуть монастырь и испытать свои силы на собственном пути, поэтому сам стал побуждать их отправиться в странствия. Иногда он встречал их в пути, но скоро запретил кому бы то ни было следовать за ним и даже несколько раз менял свое монашеское имя, чтобы оставаться неузнаваемым. Впоследствии он тоже мало рассказывал о своих скитаниях и духовном опыте, поэтому долгий период в целых шесть лет его жизни (1887–1893) удается восстановить лишь по отрывочным воспоминаниям разных людей, с которыми сводила его судьба, и на карте его путешествий остается много белых пятен. Очевидно, пережитое им было настолько священо для него самого, что он не делился им даже со своими

братьями, а в полном одиночестве, хотя и окруженный людьми, готовился к исполнению миссии.

Как сказано, «не может укрыться город,верху горы стоя», – так и Вивекананда, при всех стараниях скрывать свое высокое положение и хорошее образование, неизменно оказывался центром внимания, куда бы он ни пришел в облике нищего бродяги. Всякий раз события разворачивались словно по заданной схеме: никому не известный монах являлся в город или деревню, где очень скоро при случайной встрече какое-нибудь высокопоставленное лицо – ученый или раджа – замечал его необычность и вскоре приглашал погостить в своем доме, что традиционно для Индии. При более близкой беседе обнаруживались незаурядный ум Вивекананды и его духовная одаренность, а через несколько дней он оказывался в окружении целой толпы людей, ищущих его наставлений. Некоторое время он гостил там же, беседуя с посетителями и занимаясь медитацией, изучением санскрита и другими делами. Наконец, несмотря на попытки удержать его и окружить удобствами, он покидал приютивший его скромный дом или роскошный дворец, взяв в руки свое единственное имущество – длинную палку и сосуд для воды, отказавшись от подарков и пожертвований. Снова лишившись всего, он отправлялся туда, где никто никогда о нем не слышал, однако история неизменно повторялась...

Но не только дворцы служили пристанищем Вивекананде в пути: случалось ему и проводить ночи в глухих джунглях, милостью божьей избегая верной гибели при встречах с голодными тиграми и разъяренными обезьянами, и падать на пустынной дороге без сознания после нескольких дней без пищи, и отражать нападки дурных людей. Однажды с ним произошел случай, который при всем бесстрашии заставил его впредь быть осторожнее даже в выборе гостеприимных хозяев.

Скитания привели его в небольшой город, где днем он по обыкновению просил милостыню, переходя от дома к дому, а на ночь решил остановиться в особом месте, где жили саддху («святые люди»). Жилище казалось уединенным, но обитатели радушно пригласили его на постой, а усталый и голодный после долгой дороги Вивекананда не заметил ничего необычного. Только через несколько дней он к своему ужасу обнаружил, что его новые братья принадлежат к тантрической секте «левой руки», совмещавшей богослужение с разнuzданными сексуальными оргиями. В порыве немедленно покинуть дом он внезапно оказался заперт в комнате, снаружи которой была поставлена стража. Главарь секты объявил вскоре: «Духовный ореол твоей личности свидетельствует, что ты соблюдаешь полное безбрачие, но сегодня ты отдашь нам плоды своего воздержания. Мы заставим тебя нарушить обеты, чтобы провести особый ритуал, который доставит нам могучие психические силы».

На счастье Вивекананды, ему удалось через местного мальчика передать записку в полицию, которая предотвратила готовящееся преступление. Но именно после этого случая он начал принимать рекомендательные письма от покровителей, направляясь в следующий город.

Из множества кратких встреч в пути, складывалась в сознании Вивекананды цельная картина родной Индии. Так, однажды он ответил отказом на приглашение раджи присутствовать на театральном представлении, и огорченная танцовщица запела высоким голосом, который донесся до его слуха: «О, Всевышний Господь! Не смотри на дурное во мне, ибо твоя сущность пребывает во всех людях, подобно железу, из которого выплавлены и храмовая статуя, и нож убийцы! Но когда их коснется сила познания, оба они обратятся в чистое золото...» Вивекананда был глубоко растроган песней, напомнившей ему о вездесущности Брахмана, и сразу поспешил на праздник, чтобы присоединиться к гостям.

В другой раз некий безвестный монах поведал ему историю своего обращения: в мирской жизни он был вором и как-то раз обокрал прославленного святого, после чего, по его признанию, в его сердце поселилось желание похитить самое бесценное сокровище –

самого Господа! Пересказывая эту исповедь, Вивекананда всегда повторял, что грешники на земле – святые на небесах. А в святом городе Ришикеше он спас от верной смерти нищего старика, которого мальчишки забросали камнями, а тот, истекая кровью, только смеялся и повторял: «В какие забавные игры играет Бог!» Вивекананда омыл его раны и усвоил, как много людей в его стране скрывают под личиной жалких калек подлинную святость, желая остаться неузнанными и избежать суетной мирской славы.

Мыс Кумари: прозрение в судьбу Индии

Вивекананда обошел пешком всю Индию, начиная с родной Калькутты на востоке: совершил паломничество в Гималаи на севере, а затем, переходя из города в город, добрался до священных Дварки на западе и Рамешварама на юге. Для индуистского паломника священная география включает Пури на востоке и Бадринатх на севере, до которых он не дошел, но, нарушив монашескую традицию, он все же объездил всю Индию духовно, слившись с ее прошлым и настоящим.

Наконец, он достиг в своих странствиях самой южной оконечности полуострова Индостан – мыса Кумари, где и завершился период его скитаний. Одинокая скала, отделенная от берега широким протоком, показалась ему подходящим местом для медитации, и он поплыл к ней, борясь с волнами трех морей, встречающихся в этой точке. Для индуистов скала священна, ибо, согласно древним Пуранам, на ней некогда божественная Мать совершала суровое подвижничество, чтобы удостоиться бракосочетания с богом Шивой. Там пробыл он три дня и три ночи, погружившись в глубокие раздумья о судьбе Индии. Перед его мысленным взором представляли не места его скитаний, а вся Индия, простиравшаяся в глубь веков в прошлое и будущее, распростертая на обширной поверхности Земли.

За три дня Вивекананда превратился из бездомного отшельника в «божественного архитектора», способного охватить мыслью единый план Индии в его развитии. Взору провидца открылось, что его родина пала с высот духовной славы в бездну духовной нищеты, хотя религия и продолжала оставаться кровью народа. Индия, как он ясно видел, способна возродиться только путем восстановления сознания духовных идеалов. Вивекананда прозревал как мощь страны, так и ее ослабление, главной причиной которого стала потеря самобытности культуры.

Единственная надежда для Индии оставалась в ее религии, которая веками держалась на идеалах самоотречения и служения, поэтому вся социальная жизнь должна быть построена именно на них, но не в лице отдельных представителей, а в самих массах народа. И здесь он вспомнил слова Рамакришны: «Пустой желудок – не лучший сосуд для религии!» – а значит, нищий народ сначала следует накормить! Но что мог сделать безвестный монах, владелец грошового посоха, давший обет впредь не прикасаться к деньгам? Для возрождения целой страны нужны огромные средства, на которые можно было бы обучить новое поколение санньясинов, чтобы они стали не только духовными, но и мирскими наставниками народа.

В отчаянии бросил Вивекананда взгляд на самый край простиравшегося перед ним океана, и внезапно молния озарила его разум: он должен отплыть на предстоящее открытие Парламента Религий в Америке как представитель индуизма – древней религии многомиллионного народа. Замысел разгорался в сердце Вивекананды давным-давно, но только теперь со всей отчетливостью перед ним предстала картина будущего возрождения Индии на средства, которые можно стяжать на «богатом» Западе простым путем распространения богатств индийской культуры.

Вивекананда не сомневался, что для индуизма настало время «взгляда со стороны», но ведь воплощение этой идеи тоже требовало денег, причем немалых... Однако для самого

Вивекананды главный вопрос был в другом: берясь за решение такой грандиозной задачи, он должен быть уверен, что следует не личному устремлению, а выполняет волю Бога. Поэтому ранее он вынашивал свой замысел, но не предпринимал никаких шагов для его осуществления и даже отклонял предложения раджей о помощи. Так и сейчас, охваченный порывом спасения нации, он все же вознамерился ждать знака свыше, что именно в этом состоит его миссия.

Приняв решение, Вивекананда покинул мыс Кумари и направился в Мадрас, где начал давать публичные лекции, и скоро вокруг него образовалась сплоченная группа последователей, которые загорелись идеей собрать средства на плавание в Америку. В своих выступлениях Вивекананда провозглашал: «Настало время для распространения древней веры индийского народа. Современный индуизм должен стать динамичным, способным решать проблемы западного общества и отвечать на вопросы западного разума... Для того чтобы восстать ото сна, Индия должна быть могучей и единой, наполненной жизненными силами, источником которых всегда выступают народные массы. Не убеждения отдельных духовных личностей, а лишь религиозное вдохновение всего народа способно преобразить весь мир!»

Тем не менее, знака свыше все не было, и Вивекананда дважды велел раздать нищим уже собранные для поездки деньги... Казалось бы, полное безумие! Но не надо забывать, что он был не «официальным» представителем религии, а глубоко верующим монахом, ощущавшим самого себя как «средоточие духа народа». Вивекананда непрерывно медитировал, ожидая зова Матери, и молился своему учителю. Наконец Рамакришна явился ему в видении: он подошел к берегу океана, вступил в накатывающие волны и поманил рукой за собой. Придя в сознание, Вивекананда почувствовал овладевший им глубокий покой, в тишине которого ясно звучала прямая команда внутреннего голоса: «Поезжай!» Тогда он написал письмо Сараде Деви с просьбой о благословении, и как только получил ее милостивый ответ, воскликнул: «Теперь все верно – такова воля Матери! Значит, на Запад, на Запад... Я готов!»

Часть 2

Чудесное покорение «Дикого Запада»

Миссия есть исполнение божьей воли, и ее осуществление подобно чуду в глазах людских. Нежданным гостем явился Вивекананда в Америку, а вскоре всему миру стало известно его имя, и он буквально в одночасье превратился во влиятельную фигуру, направляющую духовное развитие человечества. Для самого Вивекананды это было и потерей, и приобретением: он навсегда потерял личную свободу жить «своей жизнью» и переживал эту утрату весьма болезненно, но в то же время он завоевал огромное пространство для утверждения всеобщей свободы, которая позволила бы всем людям жить «божественной жизнью».

Однако пока перед ним расстилалось необъятное поле деятельности, остававшееся духовно невозделанным даже при всех стараниях христианских проповедников, которые сразу восприняли его как «конкурента». Но для Вивекананды не существовало противоречий между религиями, он стремился объединить все религии в общей усиллии богореализации во Вселенной, мечтая о всемирной духовной организации и свободном духовном общении между людьми на Земле.

Запад был действительно «диким», и боговдохновенный санньясин Вивекананда очутился в непроходимых джунглях мирской жизни, где известность принесла ему все издержки славы мира сего. Каких только мерзостей человеческих ни пришлось испытать ему в попытках привнести свет истины в сознание обывателей: прямо во время лекций ковбои стреляли по нему из ружей, дабы увериться в невозмутимости «йога», страстные и тщеславные поклонники осаждали его подчас откровенными предложениями «жениться на деньгах», лекционное бюро обмануло его на тысячи долларов, необходимые для восстановления Индии, христианские священники и теософы пытались представить его шарлатаном и распространяли в газетах грязные сплетни о его привычках и намерениях, а порой его просто не пускали в транспорт, принимая за негра. Тем не менее посреди бушующей толпы на взволнованном его вторжении Западе находились немногие, готовые воспринять высокие идеалы и упрочить их влияние своим образом жизни. Вивекананда решил посвятить таких учеников в санньясу и передать в их руки продолжение дела, чтобы вернуться в Индию, самая пыль которой казалась ему теперь священной.

Конечно, для такой «универсальной личности» возвращение на родину не могло означать сужение сознания до проблем, решаемых в пределах одной страны. Пока Вивекананда находился на Западе, его сердце изболелось за индийский народ и его помыслы были сосредоточены на помощи Индии. Как только он убедился, что работа в Америке и Англии обрела реальные перспективы и может продолжаться без его присутствия, он поспешил вернуться домой. Но стоило ему заложить основание для выполнения миссии в Индии: упрочить матх как центр духовной деятельности и наметить планы, которые могли бы осуществить его сподвижники, как его снова потянуло на Запад – расширять влияние индуизма в мире, пронызывать духовными вибрациями новые территории.

Изначально Вивекананда не был озабочен лишь контактами с Америкой и Европой, но перед его взором предстал мир в целом, включая все континенты: он посетил проездом страны Азии, его тянуло даже в Россию... По этой причине мы нарушим в изложении порядок странствий: прежде чем снова вернемся вместе с Вивеканандой в родную Индию, внимательно проследим его пути на Западе, очертив маршруты путешествий по миру и отметив этапы деятельности в каждой стране.

Глава 1

Америка: от «слова» к «делу»

Прежде всего нас ждет тот пункт, который стал отправным для Вивекананды в выполнении миссии, – Парламент Религий в Чикаго в 1893 году. Современного читателя, безусловно, поразит наивность самого Вивекананды и тех, кто помогал ему в подготовке к поездке. Когда Вивекананда ступил на берег Америки, он сразу узнал новости, которые повергли его в шоковое состояние. Во-первых, открытие Парламента ожидалось не ранее, чем через месяц, а у него не было столько денег на жизнь. Во-вторых, выступления в Парламенте были строго регламентированы, и каждый из представителей был приглашен оргкомитетом или послан религиозной организацией. Программа заседаний была заранее составлена, и даже попасть в Парламент просто в качестве слушателя было непросто. Безвестный монах, появившись он в дверях, имел бы немного шансов даже переступить порог, а кто бы стал его слушать в столь блестящем собрании ученых теологов и высокопоставленных особ? Вивекананда был в полном отчаянии: с таким трудом пересечь океан – и все зря! Но дальнейшие события подтвердили, что его миссия была истинной, а не созданной в его воображении, и та же самая сила, которая направила его в Америку, продолжала направлять его и в самой Америке.

Преображение Парламента Религий

В оранжевом монашеском одеянии, с тюрбаном на голове, величественно восседал Вивекананда в поезде, направлявшемся в Чикаго, привлекая к себе любопытные взоры пассажиров. В том же купе возвращалась из поездки в Японию писатель и лектор мисс *Ками Санборн*, которая была потрясена не столько внешним видом попутчика, сколько его блестящим английским языком и обширными познаниями: он свободно цитировал Шекспира и Дарвина, Библию и Коран, а его лик излучал сияние мудрости. Встреча оказалась судьбоносной: мисс пригласила Вивекананду погостить в ее доме, обещая ввести в культурные круги Бостона, а столкнувшись с трудностями, тот не замедлил воспользоваться поддержкой.

И впрямь, он оказался в изысканном обществе ученых и политиков, а после частных бесед стал получать приглашения выступать с лекциями. Оставив уже всякую надежду на участие в Парламенте Религий, он встретил там же профессора *Райта*, который снабдил его рекомендательными письмами, что воистину было перстом божьим! Однако взлеты и падения сменялись с необыкновенной быстротой, словно испытывая веру Вивекананды: прибыв в Чикаго накануне открытия Парламента, он потерял адрес, и рано утром, по индийской традиции, вышел на улицы города просить милостыню от дома к дому, а также выпрашивая дорогу... Но он был не в Индии! Вместо пищи он получал насмешки, брань и побои, пока в дверях одного из богатых домов не появилась хозяйка, которая поняла его трудности и велела слугам приготовить для него комнату и обед. Оставив сомнения, что Господь с ним всегда и повсюду, Вивекананда был охвачен новым порывом вдохновения и, пронизывая будущее пророческим взором, с нетерпением ожидал развития событий.

Парламент Религий стал эпохальным событием, открывшим новую эру в истории религии, иногда его даже называли «парламентом человечности». Впервые на христианском Западе произошла встреча представителей всех религий, и проявился во всей очевидности принцип «единство в разделении». И вот, наконец, мы видим Вивекананду в президиуме Парламента Религий, ослепленного великолепием зала и собранием знаменитостей. Но и среди них его внушительная фигура в странном одеянии сразу привлекла внимание многотысячной аудитории, и председатель стал предлагать ему слово. Вивекананда несколько раз

просил подождать, погруженный в молитву, пока не отзвучали все речи и к нему не обратились с вопросом, намерен ли он вообще выступать... Тогда он поднялся с ликом, озарившимся вдохновением, а все собрание как по волшебству затихло в ожидании.

В наступившей тишине Вивекананда с подлинным чувством недвойственности воззвал: «Сестры и братья американцы!» Волна восторга захлестнула зал, и шквал оваций надолго прервал речь Вивекананды: люди вскочили с мест, ликуя от внезапного осознания единства, и Парламент обезумел в религиозном экстазе. Когда всеобщее волнение улеглось, Вивекананда обратился к младенческой нации от лица древней духовной культуры, представив индуизм как «мать всех религий», способную научить мир терпимости и всеприматию. В своей краткой речи он привел простое сравнение духовных путей с реками, впадающими в океан божественного, но необыкновенная ясность идеи всеобщности озарила души, и ликование возобновилось с новой силой, превратив заседание в литургию, а Парламент – в Святилище.

Целых две недели Вивекананда каждый день раскрывал различные грани индуизма, а поскольку он с первой речи превратился в популярного лектора, ему позволяли говорить дольше, чем положенные полчаса, и обычно просили выступать в конце заседания, чтобы удержать аудиторию. Большинство людей просиживали с десяти утра до десяти вечера, вполуха слушая бесконечный поток сообщений, только чтобы дожидаться выступления Вивекананды. Неизменным духом его речей было чувство единства: он объяснял философию веданты, которая позволяет согласовать все религиозные идеалы и формы богослужения, рассматривая их как различные временные пути реализации вечной истины. Вивекананда стремился внушить, что реализация Самости – превращение человека в Бога и пребывание в божественном – открывает прямое видение проявлений Бога повсюду. Индуизм представал как пророчество о божественности человека! В заключительном слове на последнем заседании голос Вивекананды звучал особенно торжественно: «Христианину не нужно становиться индуистом, а буддисту – мусульманином... Но каждый должен вместить дух иных религий, не теряя уникальности своего пути и продвигаясь по нему согласно его неповторимым законам!»

Так безвестный монах стал прорицателем Всевышней Воли, а газеты на все лады склоняли его имя и речи. В день триумфа он получил приглашение от знатной особы поселиться в престижном районе города, да и все высшее общество готово было радушно принимать его. Сам же Вивекананда, оставшись наедине с собой, плакал как ребенок от мысли о том, что никогда уже не сможет вернуться к чистой и свободной жизни странствующего санньясина. Теперь для него не оставалось места, где он мог бы укрыться в покое духа, ибо его миссия требовала открытости для людей. Но совсем уж невыносимым казался резкий контраст между бедной Индией и богатой Америкой, и Вивекананда не мог заснуть всю ночь от сознания этой пропасти, словно мягкая постель была усеяна острыми шипами. Подушка не просыхала от слез, и под утро он в нетерпении вскочил, распахнул окно в темноту и, переполненный чувством безысходности, упал на пол в рыданиях, восклицая: «О Мать, что я должен сделать для своей родины? Кто поднимет индийский народ из нищеты, кто даст ему хлеба? Просвети мое сердце, Мать, как помочь им...»

«Циклонический индус» среди оваций

Вивекананда решил принять предложение лекционного бюро выступить с речами по всей Америке с двумя целями: развеять бытовавшие на Западе предрассудки об Индии и заработать деньги для помощи индийскому народу, не обращаясь за подаянием к сильным мира сего. Хотя поначалу образ жизни и мысли в Америке казался ему несовместимым с соблюдением монашеских обетов, вскоре он научился сохранять верность духовным идеа-

лам в странных обстоятельствах и даже утверждал, что вернулся на прежний путь: «Теперь я ясно вижу, что Тот, Кто направлял мои стопы на заледенелых склонах Гималаев и раскаленных равнинах Индии, остается рядом со мной и здесь, продолжая помогать мне. Одни люди дают мне кров и пищу, а другие – просят рассказать им о Боге, и я уверен, что Он сам посылает их, а мне надлежит лишь слушаться».

В период пребывания на Западе Вивекананда продолжал медитировать, иногда впадая в глубокий транс где-нибудь в транспорте или на улице, и поначалу ему было непросто научиться управлять своими состояниями. Тем не менее, он стремился постичь дух западной жизни и не упускал ни малейшей возможности узнать что-то новое о методах производства или экономической системе. Постепенно он обрел равновесие между двумя мирами внутри себя, а вместе с тем ему открылось, как привести в согласие сами миры. И хотя он не совершал никакого внешнего подвижничества, все его существование превратилось в интенсивное сосредоточение, достойное просветленного.

Лекционный период пребывания в Америке четко делится на два этапа: работа по контракту и частные приглашения. При поддержке лекционного бюро Вивекананда объехал большинство крупных городов на востоке и юге страны, давая по две лекции в день без перерывов, а иногда и больше. Напряжение жизни было таким сильным, что нередко он чувствовал себя совершенно опустошенным и перед сном в смятении восклицал: «Что же делать? О чем я буду завтра говорить?» Но в таких случаях в тишине ночи неизменно раздавался таинственный голос, иногда ближе или отдаленнее, который «диктовал» ему полный текст лекции, и Вивекананде оставалось лишь повторить услышанное на следующий день.

Газеты называли его «циклоническим индусом», описывая восторги публики как перемены непрерывных оваций. Но сам он не уставал повторять: «Все это воля божья, я всего лишь голос без всякой формы!» Сильный удар постиг Вивекананду, когда он обнаружил, что менеджер обсчитывает его и он уже потерял не менее пяти тысяч долларов из-за посредничества. Он немедленно порвал контракт и вернул себе свободу принимать приглашения и управлять ситуацией.

Во время постоянных переездов с места на место Вивекананда не только «вливал на массы», но и встречался со многими известными людьми – философами, учеными, артистами, ораторами. Однако, наверное, наиболее примечательна его встреча с *Рокфеллером* – знаменитым американским миллиардером, который в те времена был еще далек от вершин своей славы, но достаточно богат и упрям, чтобы кто-нибудь мог принимать за него решения. Прослышав о Вивекананде, он не спешил навестить его, пока однажды словно некая сила не привела его к дому, куда он вошел без приглашения, остановив прислугу краткой репликой, что он желает видеть «индуса».

Вивекананда сидел за письменным столом, не поднимая головы и довольно долго не обращая внимания на нежданного гостя. В то время у него часто проявлялись психические силы, так и теперь, оторвавшись от книги, Вивекананда рассказал Рокфеллеру многое из его прошлого, чего не знал никто, кроме него самого, чем несказанно удивил его. Затем он заметил, что скопившиеся у Рокфеллера деньги не принадлежат ему, но Богу угодно превратить его в «канал» для творения добрых дел в мире.

Рокфеллеру страшно не понравилось выслушивать назидания, и он спешно покинул комнату в гневе, даже не попрощавшись. Однако неделю спустя явился снова и молча положил перед Вивеканандой лист с подробным планом благотворительных пожертвований, надменно бросив: «Надеюсь, теперь ты доволен. Можешь меня поблагодарить!» Вивекананда ничуть не пошевелился, а пробежал взглядом план и кратко ответил: «Это ты должен меня благодарить!» Вот и все, но с тех пор Рокфеллер добровольно стал постоянно отчислять часть доходов на благо общества и... богатеть!

Для тысяч американцев Вивекананда стал провозвестником божественной истины, пробудившим их к духовной жизни. Но вскоре появились у него и настоящие «идеологические» враги, изо всех сил старавшиеся очернить его деятельность, причем не только на Западе, но и в самой Индии, куда стали доходить вести о его успехе. Вивекананда подвергался нападкам со стороны христианских священников, лидеров Теософского Общества и даже руководителей индуистской организации Брахмо Самадж, членом которой он был в юности. В газетах его порицали за жизнь в богатых домах, курение сигар и пение песен, но – самое главное – старались представить его проповедником своих собственных взглядов, а вовсе не реального индуизма, то есть попросту «шарлатаном»!

Вивекананда писал братьям-монахам с просьбой провести на родине митинги в поддержку его дела, но не получал ответов и не знал об их успешном проведении. Травля в самой Америке порой обострялась настолько, что однажды на ужине, когда он протянул руку за чашкой кофе, перед ним внезапно возник силуэт – дух Рамакришны, поспешно предупредив: «Не пей, это яд!» Трудно судить, насколько опасной была ситуация на самом деле, но в той атмосфере все было возможно...

Вивекананда переживал «темное время» и впадал в настоящее отчаяние без поддержки из Индии перед лицом недоброжелателей. Наконец, до него стали доходить индийские газеты с репортажами о народных митингах, поддерживающих его миссию на Западе; тогда он сказал себе: «Довольно!» – и почти полностью отказался от публичных выступлений.

Западные санньясины и сподвижники

После целого года предстояния перед тысячными толпами слушателей, уставший от восторженного, но почти безответного многолюдья, Вивекананда вознамерился полностью изменить тактику. Первый опыт преподавания в небольших классах он получил ранее, когда на одной из религиозных конференций разучивал с группой учеников мантру «Шивохам» – «Я есмь бог Шива» – и видел, как светлеют лица людей, и они освобождаются от ограниченных представлений о своей личности. В дальнейшем он решил посвятить себя воспитанию немногих достойных учеников, искренних и целеустремленных, чтобы создать ядро постоянного духовного центра и утвердить свою миссию на Западе на более прочном основании – в обществе и под руководством западных людей.

Так Вивекананда обосновался в Нью-Йорке, где зародилось ядро Общества Веданты, и он начал проводить регулярные занятия с постоянными учениками. «Я столько усилий вложил в провозвестие истины, а после обнаружил, что работал лишь для себя... Теперь я намерен передать знания тем людям, которые смогут распространять их дальше. Запад – невоздланное поле, обещающее обильные всходы, если взращивать их для всего человечества, а не устраивать секту!». Так начался новый этап в работе Вивекананды, и с тех пор он проводил время в классах, уделяя внимание каждому ученику.

Посвятив себя обучению немногих избранных, Вивекананда скоро почувствовал реальную «отдачу» и не сомневался, что теперь он движется медленнее, но зато в верном направлении. Примечательно, что он обучал американцев в духе древних традиций отношений между гуру и чела, не принимая никакой платы, а приглашая их в свой дом для совместной медитации. Сам он ощущал себя санньясином более, чем когда бы то ни было в Америке, и нередко погружался в медитацию настолько глубоко, что не возвращался в обычное состояние до самой ночи, и ученики один за другим бесшумно покидали дом.

Буквально излучая духовное сияние, он все же внимательно изучал личные качества каждого ученика и подбирал для него самую подходящую технику медитации, не уставая повторять, что религия – вопрос не веры, а практики и богореализации.

Наконец, исполнилось его заветное желание посвятить самых достойных в санньясу, чтобы передать им управление центром. Их личности поистине интересны: *Свами Абхаянанда* родилась во Франции, но в молодости переехала в Нью-Йорк и четверть века была известна в либеральных кругах как материалистка и социалистка, одна из самых прогрессивных женщин своего времени; *Свами Крипананда* в миру был русским евреем, корреспондентом передовых американских газет. Восхищенные идеями Вивекананды, оба они стали самыми горячими приверженцами его дела и надежными преемниками.

Для самого Вивекананды тоже настало время нового духовного опыта, и как-то раз, выехав отдохнуть на берег живописного озера, он восхитился столь дивным местом для медитации и решил остаться там в уединении на несколько дней. Намерение его отозвалось в высших сферах, и Вивекананда погрузился в самадхи, потеряв внешнее сознание. Спустя какое-то время хозяева дома, где он гостил, нашли его бездыханным на берегу и с трудом вернули к жизни, но желание покинуть душный город поселилось в нем. На лето Вивекананда переехал вместе со всеми учениками в небольшой коттедж на речном острове, где общинная жизнь сплотила их еще больше.

Поскольку большинство учеников были христианами, классы неизменно начинались с изучения Библии, и Вивекананда много рассказывал о жизни Христа на Востоке, вскрывая индуистские корни евангельских поучений. В его письмах отражалось восторженное состояние его духа в тот период: «Я свободен, мои цепи распались на куски, и разве важно, как долго еще продержится это тело?... Как Сын Божий, я учу истине и обретаю сподвижников по всей земле!»

В то же время была написана им вдохновенная «Песнь санньясина», призывавшая странствовать по Вселенной, освободившись от всякой двойственности в сердце. И все же, перед отплытием в Европу, он признавался, что после «тяжелой работы» на острове нуждался хотя бы в нескольких днях отдыха.

Хотя Вивекананду тепло приняли в Англии, он постоянно беспокоился о том, как идут дела в Америке, а вернувшись через четыре месяца, с радостью обнаружил, что духовный центр действует и расширяет свое влияние. Главной целью теперь стало упрочение статуса Общества Веданты, и Вивекананда стремился придать ему вид формальной организации с четкой структурой, устойчивой среди частых перемен интересов беспокойных западных людей. Вивекананда мечтал о создании сети центров, которые стали бы своеобразными «воротами» между Востоком и Западом, широко распахнутыми для движения в обе стороны. Также для него настало время систематизации своих представлений о единстве различных школ веданты и путей йоги.

Вивекананда вел классы по философии йоги, а в свободное время писал комментарии к древним «Йога-сутрам» Патанджали, диктуя их своей ученице. Метод его работы превосходил обычные размышления: он погружался в медитацию над смыслом сутры и сидел молча, а ученица держала наготове перо, опущенное в чернильницу. Спустя какое-то время, проведенное в ожидании ясного ответа из бездонных глубин сознания, молчание учителя внезапно нарушалось бурным потоком крылатых изречений или пространств истолкований, которые приходилось торопливо записывать...

Вивекананда вернулся также и к публичным лекциям, имевшим неслыханный успех, и газеты запестрели заголовками, вроде «Просветленный оратор» и т. п. Рожденный для служения божественной Матери, он казался странствующим светочем истины, который воистину «ходит под Богом». Вот, снова раздался зов духа, и Вивекананда с готовностью направился в туманную Англию, чтобы продолжить свою миссию в Европе.

Глава 2

Англия – «второй дом» в мире

«Лондон – сердце Индии», – писал Вивекананда друзьям из Англии, и таково было реальное положение дел в период трехсотлетней английской колонизации Индии, до конца которой в те времена оставалось чуть более полувека. Поэтому не нужно удивляться, что сам Вивекананда еще в Америке мечтал о проповеди индуизма в Англии, а его появление там произвело не менее грандиозный духовный переворот, чем выступление в Чикаго. «Великая держава» подавляла «варварские религии», и, хотя интерес к их изучению уже появлялся, обычным было индийское преклонение перед западной образованностью, а богатые индийцы стремились отправить своих сыновей в прославленные английские университеты. В такой ситуации проповедь индуизма в Англии переворачивала все с ног на голову, и миссия Вивекананды в ее духовной сути была с восторгом подхвачена лидерами движения за освобождение Индии от колониального гнета *Ганди* и *Неру*. Однако сам Вивекананда никогда не вмешивался в политику, его пребывание в Англии было провозвестием индуизма как истины единобожия, и ему удалось «перевернуть мир» сложившихся мнений.

«Сердце Индии» в стране-колонизаторе

«Не сомневаюсь, что я слышу божественный зов продолжить работу», – ответил Вивекананда на приглашения посетить Англию, присланные независимо друг от друга двумя теософами – *Генриеттой Мюллер* и *Эдвардом Стурди*, которые станут вскоре ближайшими его учениками. Вивекананда одновременно грезил Лондоном и волновался за успех своей миссии. Индус, подданный покоренной страны, желает не учиться, а проповедовать свою религию, известную поработителям лишь в виде карикатуры, – это был смелый вызов! Каково же оказалось его удивление, когда его стали принимать повсюду настолько тепло и радушно, что уже после первой недели он писал: «Я чувствую себя здесь как дома в большей мере, чем где бы то ни было вне Индии... Англичане встретили меня с распростертыми объятиями, и мне пришлось отбросить предвзятые представления об этой нации!»

Первая же лекция, посвященная самопознанию, вызвала горячий отклик: огромное собрание народа было «наэлектризовано» силой речи Вивекананды, газетчики наперебой бросились брать у него интервью, и целые толпы скапливались у ворот его дома в поисках наставлений или из простого любопытства. Таким образом, прочное основание для дальнейшей работы было заложено сразу, и очень скоро Вивекананда признал свою миссию в Англии гораздо более успешной, чем в Америке, называя ее даже «блистательной».

В первое же посещение Вивекананда начал вести постоянные классы с серьезными учениками, но вопрос об основании духовного центра встал только после второго возвращения из Америки. Вокруг него собралось ядро почитателей, жаждавших исследовать проблемы человеческого существования в свете восточной мудрости. Вивекананда снова с головой ушел в работу: пять классов в неделю, публичные выступления, встречи с учеными или искателями истины. Кроме того, он начал работать над книгами о Рамакришне, комментариями к «Нарада-сутрам» и мечтал создать труд об индийской философии, помышляя даже оставить «светскую жизнь» и полностью посвятить себя писательской деятельности, но, как известно, этого не произошло. Несмотря на его давнюю войну с теософским обществом, *Анни Безант* пригласила Вивекананду выступить в Теософской Лоджии Блаватской, и впоследствии он неоднократно дружески встречался с ней в Индии. Познакомился Вивекананда и с оксфордской знаменитостью профессором Мюллером, которого искренне почитал как

необыкновенную личность, а его дом воспринимал как место паломничества, ибо Мюллер любил его учителя Рамакришну.

Духовный настрой Вивекананды лучше всего отражен в его собственном письме: «Мир – странное место, и самое забавное – всегда и повсюду встречаться с Богом – Возлюбленной Бесконечностью! Разве не смешно? Взлеты и падения в судьбах – все это Его игра! Люди просят объяснений, а как объяснишь им Бога? Я понял пару простых вещей: за стеной из мыслей и разговоров живет чувство – любовь... Так давай же наполним пустые чаши и обещуем от любви!»

Вивекананда воистину наслаждался божественной жизнью в Лондоне, раскрывая свой идеал в нескольких словах: «Моя мечта – убедить человечество в его подлинной божественности, научить всех и каждого переживать высшее блаженство слияния с Богом во всякий момент земного существования!»

Наконец, вдохновение Вивекананды приняло вполне реальные очертания, и летом 1896 года был основан Лондонский Центр, ядро которого составили английские ученики, готовые пожертвовать всем ради воплощения его идей. Некоторые из них приняли впоследствии санньясу – обеты отречения от мира, а иные прославились на весь мир своей самоотверженностью в служении индийскому народу. Так, имя *Сестры Ниведиты* известно даже тем, кто ничего не знает о ее жизни, поэтому не помешает остановиться на ее личности, равно как познакомиться и с другими западными последователями.

От преданности до предательства...

«Еще один дар Англии для Индии» – так называл Вивекананда самую преданную сподвижницу *Маргарет Нобл*, получившую при посвящении имя Сестра Ниведита. Встреча произошла в узком кругу друзей в доме, куда Вивекананду пригласили для вечерней беседы, хотя такая патриархальная обстановка была нехарактерна для его бурной деятельности. Маргарет поразила его незаурядность – широта религиозной культуры, свежесть философских взглядов и явная независимость от всего «слишком человеческого». Сама она была втянута в сферу образования: открыла свою собственную школу и состояла в некоем клубе, созданном с целью проведения школьной реформы, постоянно вращалась в интеллектуальных кругах и с интересом воспринимала новые идеи.

Тщательно взвесив речи Вивекананды, сначала она сочла воплощение его проектов далеким от реальности, но в его глазах подобные сомнения выдавали лишь глубину ее души, и он понимал, что, когда она решится разделить его миссию, у него не будет более верного сподвижника. Так оно все и вышло...

Возвращаясь в Индию, Вивекананда решил взять Маргарет с собой, чтобы поручить ей самую непростую и ответственную работу – образование индийских женщин, о чем в те времена мало кто помышлял даже отдаленно! Конечно, она должна была стать ярким примером свободной и активной женщины, поэтому неоднократно выступала перед народом, вела классы, но только три года спустя Вивекананда посвятил ее в *найштика брахмачарини* – ступень ученицы, предшествующую санньясе, а на ее просьбы о принятии обетов полного отречения от мира ответил кратко: «Просто продолжай быть тем, кто ты есть!» Ниведита больше никогда не поднимала этот вопрос, но ее преданность делу Вивекананды скоро стала легендой, а бесконечные усилия облегчить участь индийских женщин превратили ее во всемирную святую. Почти во всех поездках она сопровождала учителя, а поручив ей отдельное задание он добавил после благословения: «Ступай в мир, и если я тебя создал – умри! А если тебя взрастила Мать – живи!»

Под первым «даром» Англии для Индии подразумевалась Генриетта Мюллер, но, к сожалению, это совсем другая история, которую одним словом можно обозначить как «пре-

дательство». Такое почти невозможно для индийской культуры отношений между учеником и учителем, и этот случай ярче всего показывает зыбкую почву Запада, на которую ступил Вивекананда, переменчивость и ненадежность западных последователей, от которой ему пришлось страдать не так уж редко.

Генриетта впервые услышала Вивекананду еще в Парламенте Религий, где сама выступала в теософской секции, и именно она первой пригласила его в Англию, гостеприимно открыв для него двери своего дома и создав все условия для выполнения миссии. Также она побывала в Индии, но когда Вивекананда тяжело заболел, к телесным недомоганиям скоро добавились мучительные вести о том, что Генриетта решилась публично отречься от индуизма и всякой связи с самим Вивеканандой и вернуться в лоно католической церкви. Индийские газеты нарасхват повторяли ее заявления, что, надо заметить, было не впервые: ранее она так же громогласно отказалась от членства в Теософском Обществе.

Самым скорбным для Вивекананды было то, что главной причиной ее отречения послужила именно его болезнь, ибо установка «Святые не болеют!» была вполне обычной для «духовных» кругов на Западе, и вслед за Генриеттой его оставили многие ученики, хотя и не столь близкие. Более того, когда Вивекананда вновь прибыл в Англию, она стала настраивать против него общественное мнение, хотя и почти безуспешно, ибо его духовное влияние было уже неоспоримым. Но поразительнее всего, что два года спустя она сдала позиции и стала искать встречи с Вивеканандой в Индии. Из одного письма известно, как он ответил: «Я послал цветы и фрукты, а также записку с приглашением в ее дом, но пока еще не виделся с нею...» Видимо, они так и не встретились.

По счастью, Вивекананда обрел в Англии также много достойных последователей, на которых вполне можно было положиться, и ими был создан Лондонский Центр. Кроме Эдварда Стурди и Маргарет Нобл ядро группы составили отставной капитан *Севьер* с супругой, которые воспринимали Вивекананду одновременно как учителя и родного сына, а также *мистер Гудвин*, помогавший в работе на обоих материках. Как известно, всякое дело держится на не слишком выдающихся, но надежных людях, и к названным именам можно было бы добавить немало других... Но вернемся к самому Вивекананде, который стремился не только ввести западных людей в мир индийской культуры, но и наоборот, приобщить индийских монахов к работе на Западе, вызвав для начала двух своих братьев-санньясинов в Англию и Америку.

«Разрываясь» между материками...

Представим себе божественное сознание, в котором, если верить описаниям опыта просветления, все пространства Вселенной, наполненные существами и событиями, и все прошлые и будущие их перипетии схватываются как единое целое. Попытка вообразить нечто подобное даст нам представление о том состоянии, в котором находился Вивекананда, «заметающийся» между Америкой и Англией, не упуская из виду манившие его горизонты родной Индии. Миссия, начатая сразу в двух странах Запада, при попытке управлять их влиянием на Восток, требовала от него присутствия в нескольких местах или хотя бы внимания к развитию действий в каждом из них. Одного Вивекананды, при всем его сознании всеобщности, просто «не хватало» на все физически, и не случайно здоровье его пошатнулось именно в этот период. Тело не выдерживало пропускаемого через него напряжения энергии, но ведь, как мы помним, Вивекананда имел «общее тело» со своими братьями по монашескому ордену, и волей-неволей ему пришлось перестроиться на восприятие себя самого как «общей души», чтобы продолжать удерживать ситуацию под контролем. Расширение миссии требовало усилия к распространению сознания Самости за пределы изначальной лич-

ности. Конечно, Вивекананда испытывал это в самадхи, но ведь совсем другое дело жить и работать в миру, сохраняя то же самое чувство «глобальности» своего божественного «Я».

Дальнейшая чехарда с «заместителями» показывает, как непросто было утрясти все дела. Еще в первый визит в Англию, намереваясь вернуться в Америку, но не желая при этом прерывать работу в Лондоне, Вивекананда писал к братьям-санньясинам в Индию с просьбой прислать кого-нибудь ему «на замену». Выбор пал на Свами Сарадананду, но переписка заняла столько времени, что Вивекананде пришлось отплыть за океан, не дождавшись преемника, и он застал его в Англии уже по возвращении.

Однако теперь центр в Нью-Йорке остался без присмотра, хотя постоянный руководитель центра в Лондоне тоже был необходим, поэтому после долгих размышлений Вивекананда решился перенаправить Свами Сарадананду в Америку и вызвать Свами Абхедананду из Индии в Англию.

И лишь когда оба брата успешно стали справляться каждый со своей задачей, обретя подлинное признание в качестве духовных наставников, а не просто формально заняв свои посты, Вивекананда с легким сердцем отдался неумолимому притяжению родины и неожиданно для всех, хотя часто заговаривал об этом раньше, попросил купить билеты на корабль из Италии на Цейлон – остров неподалеку от южного побережья Индии, отделенный от материка лишь узким проливом.

Ситуация в самой Индии сильно изменилась за годы отсутствия Вивекананды, ибо для всего народа успех его миссии был совершенно новым опытом национальной гордости. Рассеянные ранее в паломничестве братья снова собрались в Калькутте, и Вивекананда вел переписку, по сути, осуществляя «дистанционное управление» матхом. Парадоксально, но факт: чем дольше он оставался на Западе, продолжая представлять веданту как «фактор развития цивилизации», тем более сильное влияние удавалось ему оказывать на ход событий в Индии и тем яснее становилась для него самая ситуация. «Одна тихая реплика из-за океана, – писал Вивекананда, – слышнее, чем тысячи громогласных словес посреди Индии».

Посылая подробные наставления братьям, он сводил их работу к трем главным правилам: образование, просвещение, религиозная практика. По сути, пребывая на Западе, Вивекананда заложил в Индии основание Ордена Рамакришны, превратившегося со временем во всемирную миссию, и наметил контуры женского ордена, что было неслыханным новшеством, ибо в индийской традиции не существовало женских монастырей. Направляясь в Индию, он предвосхищал свершение чудесных превращений, но пока что мы за ним не последуем, аждемся его возвращения на Запад.

Глава 3

Полукругосветное путешествие

Подобно тому как в скитаниях по родной стране Вивекананда не добрался до всех главных святынь, но совершил паломничество к самой Индии, так и в странствиях по миру он не совершил кругосветного путешествия и все же достиг Вселенной, вмести в свое сознание. «Работа Матери», которую он выполнял, состояла для него прежде всего в налаживании «духовных коммуникаций», или «странничества в духе», осуществимого силой разума: «Немногие понимают силу мысли, – сетовал он. – Отшельник, сидящий в пещере, способен общаться со всем человечеством, излучая и принимая сообщения в виде тонких вибраций. Духовность может быть передана от человека к человеку с той же степенью реальности, с какой они дарят друг другу живые цветы. Такова истина, и ее нужно раскрыть!»

Однако не просто передачу духа, а создание постоянных путей для свободной «циркуляции» духа и «экспансии» жизни считал своей целью Вивекананда, стремясь растопить мертвые кристаллы застывших социальных моделей. Мечтая создать всемирную духовную

организацию, он видел ее как динамичную и пульсирующую сеть центров, где встречались бы потоки энергии, пронизывающие тело Вселенной и превращающие его в величественный Храм Духа. Воспарив духом вслед за Вивеканандой, давайте спустимся теперь вместе с ним на грешную землю и разделим его реальный опыт странствий по планете Земля.

Маршруты странствий по Вселенной

География путешествий Вивекананды гораздо шире, чем это обычно представляют, сводя всю его миссию к поездке в Чикаго, и простой перечень стран и городов, где он побывал, произвел бы сильное впечатление. Путь в Америку пролегал через всю Азию, и ему удавалось «сойти на берег» во многих портовых городах.

В Гонконге, как монаха, Вивекананду привлекали китайские буддийские монастыри, на земли которых вообще запрещено ступать чужеземцам. Вивекананда пытался настаивать, но местный проводник не желал вместе с ним «погибнуть от руки привратника». Что было делать? Решительно ступив на заповедную территорию, Вивекананда со смехом воскликнул: «Пойдем, посмотрим, убьют нас или нет!» И впрямь, наперерез им бросились охранники с оружием в руках, спутники Вивекананды разбежались подальше, а он спокойно встретил нападавших смиренной просьбой: «Позвольте индийскому йогу услышать китайскую речь!» Неожиданно слово «йога» произвело магическое действие: словно по волшебству праведный гнев сразу сменился благоговением, и защитники святынь упали к ногам Вивекананды! Почтительно сложив ладони в молитвенном жесте, они стали бормотать что-то, из чего можно было разобрать лишь слово «амулет». Оказалось, что они просят благословения и защиты от злых духов, тогда Вивекананда достал клочок бумаги, написал священный символ «Ом» на санскрите и подал им, после чего его торжественно провели в монастырь, раскрыв перед ним все двери в потаенные хранилища санскритских текстов.

В Японии Вивекананда предпочел даже поменять корабль, чтобы задержаться там подольше, и счастлив был обнаружить, что и для японцев Индия остается «страной чудес», в духовных недрах которой вечно хранятся высокие и достойные идеалы. Древние храмы Японии были испещрены санскритскими письменами, хотя лишь немногие священники владели санскритом настолько, чтобы понимать их смысл. Вивекананда писал ученикам с дороги: «Как бы мне хотелось, чтобы все индийцы видели, с каким преклонением почитают их религию в иных землях, тогда как они сами предают ее забвению! Японцы веруют в индийские идеалы, а саму Индию считают идеальной страной, а вы... Что вы делаете? Посмотрите в их лица, и вам станет стыдно!»

Вивекананда стремился проникнуть в уклад жизни японцев и самобытную культуру народа, но вскоре был несказанно изумлен царящим вокруг стремлением к «прогрессу», развитию науки и техники. Каждый житель крупного города казался осведомленным о нуждах современности и пути развития страны. Именно находясь в Японии, Вивекананда впервые узрел в ясной перспективе, что также и в Индии массы народа, а не отдельные подвижники, должны подняться из нищеты и возродить свою родину.

Вдоль и поперек исколесил Вивекананда Европу, где, конечно, главное внимание уделял христианским монастырям. Так, он прервал работу в Англии, чтобы преить через швейцарские Альпы и навестить в древние города Германии, а возвращаясь домой, проложил свой путь через Францию и Италию, проявив особый интерес к католическому Риму.

Сильное переживание довелось ему испытать уже на корабле, проплывавшем мимо острова Крит глубокой ночью. В темноте перед ним возникло видение бородатого старца, обликом напоминавшего ведического мудреца – риши. Представ перед Вивеканандой, он произнес: «Запомни хорошенько места вокруг, ибо в действительности именно здесь зародилось христианство!» Старец поведал, что он был монахом древнейшего ордена, создан-

ного выходцами из Индии, идеи которых были выданы впоследствии христианами за учение Иисуса, хотя такого человека никогда не существовало на земле! Вивекананда был потрясен явлением, подтвердившим его предощущение единства христианства и индуизма, и всегда подчеркивал сходные детали в ритуалах богослужения, посещая по возвращении в Европу католические храмы. Но при всей веротерпимости он никогда не позволял хулить свою религию: так, на том же корабле с ним плыл христианский миссионер, пытавшийся обратить его в «истинную» веру, порицая «богохульство» индуизма. Вивекананда терпеливо возражал довольно долго, но наконец сгреб проповедника за грудки, приподнял над палубой и с нажимом произнес: «Сэр, если вы будете продолжать ругать мою веру, я выкину вас за борт!»

Второе путешествие на Запад началось не через Азию, а в обратном направлении: достигнув Марселя, Вивекананда задержался ненадолго в Англии, сразу отплыл в Америку, а потом скоро вернулся в Европу на Парижский Конгресс Истории Религий. По его завершении он принял приглашение совершить тур по Восточной Европе и, минуя славянские страны, добрался на востоке до Константинополя, затем повернул назад в Афины, откуда отплыл в Египет.

Пирамиды с гробницами фараонов, высящиеся как памятники былой мощи ныне бес сильного государства, погрузили Вивекананду в мысли о всевластии майи – иллюзии существования. Как-то раз в сопровождении друзей он проходил по улице, по обочинам которой сидели падшие женщины, и они принялись «зазывать» его, посмеиваясь и перешептываясь. Друзья пытались обойти их стороной, но Вивекананда приблизился, присел рядом и залился слезами, произнеся с глубокой скорбью: «Бедные дети!» Женщины примолкли и поникли, а одна вдруг наклонилась и поцеловала край его монашеской одежды, пробормотав: «Божий человек! Божий человек!» Вивекананда присоединился к друзьям, и они молча продолжили путь...

Наконец, почти потеряв интерес к калейдоскопу стран и народов, он спешно вернулся в Индию, не желая более покидать родину.

Посещение «одухотворенной» Америки

Прежде чем последовать за Вивеканандой в Индию, задержимся в Америке и Франции, которые были главными целями его второго визита на Запад. Возвращение предстает не столько продолжением миссии, сколько ее преломлением под иным углом зрения, ибо перед нами возникает «другой» Вивекананда – внешне «больной и усталый», а внутренне – «все более и более монах»! Поначалу и непонятно вроде, зачем он приехал туда снова, коль скоро его повсюду неизменно сопровождает фигура доктора, которого он слушается и почти постоянно «отдыхает». Проводя время в легких и разнообразных занятиях, Вивекананда немного писал, беседовал с гостями, учил французский язык и играл в гольф. По воспоминаниям, он был прост в одежде и манерах в такой мере, что казался «одним из нас», и впрямь старался не оказывать влияния на людей, хотя сами американцы старательно высматривали в нем «необыкновенность». В спокойной «семейной» обстановке его застал проблеск провидения, которым он поделился с братом-сannyасином: «Мои дни сочтены, и жить мне осталось от силы три года... Я ощущаю себя огромным, моя самость распространилась так широко, что тело уже не в состоянии удерживать меня. Я готов к уходу, и эта клетка из плоти и крови скоро будет разломана».

Тем не менее здоровье Вивекананды постепенно окрепло настолько, что он снова начал выступать с лекциями, намереваясь распространить влияние индуизма также и на побережье Тихого океана, чтобы вся Америка от края до края была охвачена его миссией. Успех приходил повсюду, словно по инерции, ибо люди уже дышали новым духом и принимали прямые провозвестия истины в открытые души. В речах Вивекананды не было ни «воды», ни

«намеков» на скрываемые тайны, но он всегда обращался к Богу в людях прямо: «Помните о славе человека! Джива есть Шива! Человек – это Бог!»

Вивекананда стремился внушить идею практичности религии, вдохновить на самостоятельное духовное делание, чтобы каждый сумел принять ответственность за становление себя как личности, жил в процессе трансформации. Нужно было ломать барьеры стереотипов, и Вивекананде хватало духовной мощи. Так, однажды перед лекцией он направил пристальный взор в гущу толпы перед собой и воззвал: «Восстаньте! Пробудитесь! И не останавливайтесь на полпути, пока не достигнете цели!» Эффект был подобен электрическому шоку, а после лекции Вивекананда с близкими друзьями ужинал в ресторане, шутил как ни в чем не бывало, а всколыхнувшаяся в его теле духовная мощь словно откатывала в океан божественного, откуда она пришла.

Вивекананда на самом деле пребывал в высших сферах все время, проведенное в Америке, выдавая свое состояние не во внешнем поведении, а лишь в письмах к братьям-монахам: «Мать забросила меня в странный мир, среди странных людей, которых я не понимаю и которым непонятен я сам... Но чем дольше я остаюсь здесь, тем яснее вижу, что находятся немногие, приверженные моему делу, готовые служить моей миссии. Боюсь, никогда уже не найду я покоя в мире сем, но Мать делает добро людям с моей помощью, хотя бы сколько-то просветляя их жизни, и в конце концов это хорошо... Все мы – дары для жертвоприношения Богу, просто не в одинаковой степени, а те, кто не хочет жертвовать собой, обречены на страдание! Работа всегда трудна. Молитесь за меня, чтобы моя миссия завершилась, и моя душа навсегда без остатка слилась с божественной Матерью! Это ее работа, и она знает все... Я чувствую себя прекрасно – душой более, нежели телом. Победы и поражения почти развеялись, и вокруг меня разливается великий покой!»

В таком настроении завершил Вивекананда миссию в Америке, создав Общество Веданты в Сан-Франциско и направив Свами Туриянанду основывать ашрам в Калифорнии. Итак, распространив веданту по всему материку и передав управление центрами в руки братьев, уже не оглядываясь с тревогой на американские берега, отплыл он в Европу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.